

"Боря + Лена = Л..."

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

«Февраль начался с аномальной оттепели», – сообщил вчера по телику бодрый синоптик в очках. И точно. На небе сияло солнце, припекало как в весенний денек. Сугробы недовольно осели под его лучами. А воробьи оживились, зачирикали на ветках, весну, видно, вспомнили, только рано, будут еще и морозы, и вьюги.

В школе, в метро, на улице, повсюду, и даже дома, обсуждали это аномальное явление. Однако Борьку Шустова вопрос погоды мало волновал. Его устраивало все – по принципу у природы нет плохой погоды. Его не устраивало другое. Вторую неделю подряд он провожал Лену Серову до булочной на углу, покорно и в общем-то не без удовольствия неся на плече ее рюкзак вместе со своим, а дальше девушка говорила ему: «Пока!» – и спокойно уходила.

Все в классе уверены, что его роман с Ленкой в самом разгаре, а он не только ни разу ее не поцеловал, но даже не смог никуда пригласить. Все у нее дела какие-то. Тоже мне, деловой перец выискался! И главное, был бы у нее бойфренд какой-нибудь, так ведь нет такого в наличии.

Скоротечный роман с Колькой Ежовым не в счет. Тот пометался, как лосось на нересте, а потом опять к берегу прибился, то есть к своей ненаглядной Юлечке, зануде, батанке и старосте. Колька, правда, считает, что она самая-самая. Борька не спорит. К чему на пустом месте базар разводить? Это, как говорится, дело вкуса: кому халва, кому пряники. Главное, что Колька ему не соперник. И хорошо, как-никак они все же приятели. А вот Максим Елкин – конкретная Борькина проблема. Два года кряду этот двухметровый гений, знающий все на свете, был влюблен в Лизку Кукушкину, и вдруг нате вам! На Ленку стал западать, будто других девчонок вокруг мало. Ну, Борька ему втолковал при случае, чтобы тот на чужую территорию не зарился. Разговор получился не очень цивилизный, но Борька на это и не рассчитывал.

- Пошли, проблемку перетрем, – предложил он.

- Пошли, – согласился Макс.

- Ты это, от Ленки отвали, – прямо заявил Борька, едва они уединились под черной лестницей, где происходили все школьные разборки.

- С какой такой радости? – Отличник пальцем подтянул на переносице очки, вместо того чтобы от греха подальше снять их и убрать в карман. – У тебя что, эксклюзивные права на нее?

- Мое дело предупредить. Ты пойми, Макс, в жизни всякое случается, – мягко, почти по-дружески напомнил Борька и невинно поинтересовался, разминая костяшки пальцев: – Тебе, случайно, асфальтовой болезнью не приходилось болеть?

- Ты меня не доставай, Шустов, у меня на угрозы аллергия начинается, – с натянутой усмешкой заметил Максим, и Борька его едва не зауважал: в глазах за стеклами явный испуг, а хорохорится.

Собрался он Макс, конечно, врезать меж глаз, чтобы поучить, но тут Кахобер Иванович

подоспел. Во второй раз, между прочим! У классного просто нюх на такие разборки. Чуть где инцидент возникает, он поблизости – усами своими шевелит, как тараканище в сказке Чуковского. А вообще-то Кахобер нормальный мужик. Несправедливости не терпит, предмет свой знает дай бог каждому историку, «бэшек» особенно не прижимает, дает проявиться индивидуальности. Вероятно, поэтому у них в классе две звездные знаменитости образовались: в Кукушкиной Лизе литературный талант проснулся, ее рассказы в молодежных журналах появились. И Туська Крылова в актрисы заделалась, в сериале по ящику чуть ли не каждый день показывают. Что-то типа «Простых истин». Борька не вникал, у него и без этого забот хватает. Дома реальное шоу, на которое не забьешь, и еще Ленка.

Он давно на нее глаз положил, вот только не знал, как к ней подступиться. Красивая, гордая, в классе подруг нет. Всегда одна. Оно и понятно, многие девчонки ей завидуют – она стильно одевается, и не в ширпотреб с рынка. Всем известно, что Ленка мастерица, шьет лучше любой портнихи-профи. Талант у нее такой – от Бога. Да и пришла она к ним в класс три года назад, когда все нормальные девчонки уже в дружбе определились и на парочки разбились. Лизка с Туськой дружат чуть ли не с пеленок, Маринка – с Юлькой, к тому же и породнились, поженив папу Юли и маму Марины, Анька с Ирккой, последняя в художницы метит. В общем, у каждого своя туса сформировалась, проникнуть в нее так же сложно, как в хранилище золотого фонда страны.

– Борь, – сказала Ленка, которой, видимо, надоело молчать, – а зачем вы это общество женоненавистников организовали?

– По дури, – усмехнулся он, вспоминая, как пятеро балбесов (и он в том числе) решили мстить слабой половине человечества за нанесенные им обиды. – Да в наших действиях ничего ужасного не было, – тут же поспешил оправдаться он, чтобы не упасть в глазах девчонки, – за исключением Иркиного спортивного костюма. Это случайно получилось, а так мы мелким хулиганством ограничились. Помнишь, в классе тараканы разбежались?

– Кто не помнит этот кошмар! Я тогда визжала, как резаная.

– Мы с Колькой постарались, – признался Борька. – Было такое, что Юрка заведенный будильник к Маринке в сумку подбросил. Я глобус по шву распилил пополам, засунул в него вибрирующе-хохочущее привидение, потом глобус аккуратно заклеил, а когда география началась, хлопнул в ладоши.

– Переполоху было, когда этот «хохотунчик» из глобуса смеяться начал! – вспомнила Ленка.

Она отошла от Борьки, пытаясь обойти кашу из перемешанного снега, воды и грязи, но он быстро сократил расстояние между ними и, чтобы оказаться еще ближе, взял и перекинул рюкзаки с одного плеча на другое. «Хватит топтаться на месте, пора переходить к активным действиям, выковыривать Ленку из ее черепашьего панциря, – напомнил он себе. – А то опять дойдет до угла – и привет». Борька попытался обнять Ленку, вроде как просто по-дружески положил ей руку на плечо, но она слегка повела своим хрупким плечиком, и его рука соскользнула с ее капронового пальто невесомой пушинкой. Ладно, еще не вечер.

– А правда, что вы Кошке однажды насолили? – снова спросила Лена, будто и не было с его стороны попытки слегка продвинуть их отношения.

– Было дело под Полтавой! – невозмутимо отозвался Борька. – Хочешь, расскажу?

– Конечно. – Она улыбнулась, посмотрела на него, и ее голубые глаза прямо в сердце Борьке проникли.

Нет, он определенно ей нравится. Когда ничего к парню не испытываешь, так смотреть не будешь, подумал Борька, и его настроение заметно улучшилось.

- Фишка «Алло, Петя!» называется, - начал Борька и сбавил шаг, чтобы подольше идти. Ленке поневоле пришлось сделать то же самое. - Набираешь телефонный номер и говоришь чужим голосом: «Алло, это Петя?» Поскольку Пети никакого на другом конце провода нет, там естественно отвечают: «Вы ошиблись». Ты вежливо извиняешься и кладешь трубку. Далее с интервалом минут в пятнадцать начинаешь доставать звонками и требовать Петю. Лучше, если в этом розыгрыше несколько человек поучаствуют, чтобы голоса были разные. Спектакль может длиться долго, все зависит от выдержки его участников. Кошка где-то на шестом звонке сломалась, послала нас далеко и надолго. А мы выждали некоторое время, а потом я позвонил и невинно так сказал: «Это Петя беспокоит. Извините, мне не звонили?» Тут Кошка уже конкретно взорвалась! Обозвала нас телефонными хулиганами и фуфлометами.

Лена рассмеялась. Смех у нее был особенный - как у колокольчика перезвон. Только вот жаль, смеялась она редко.

- Что, так прямо и сказала: фуфлометы?

- Точно не могу поручиться, но что-то в этом духе.

- А ведь глупости все это! - сказала Ленка уже серьезно.

- И я о том же.

- А вдруг у нее определитель номера стоял?

- Не-а. Я из матери информацию вытянул. Сама знаешь, она часто с Кошкой общается.

- Влетело тебе, наверное, когда ваше ОБЖ раскрыли?

- Отец конкретно наехал, но только не из-за ОБЖ этого. Меня в тот момент едва из школы за успеваемость не выперли, точнее, за неуспеваемость. - Порыв ветра разметал длинные волосы Борьки, он отбросил челку, упавшую на глаза.

В последнее время он стал уделять больше внимания своей внешности. Голову каждый день мыл, душ по утрам принимал прохладный для укрепления тела и духа, туалетной водой отца пользоваться стал, ну и шмотки в порядок привел, чтобы Ленке соответствовать. Куртка на нем была канадская дутая, джинсы черные и длинный пестрый шарф для понта вокруг шеи замотан.

- А как он на тебя наехал? - осторожно спросила Ленка, вспорхнув длинными подкрашенными ресницами.

Борька покосился на нее с высоты своего роста.

- Кредит прикрыл. Выбрал самый действенный метод. Лучше бы выпорол, - полушутя-полусерьезно признался он и неожиданно спросил: - Лен, а ты чего никогда о своих родителях не говоришь?

Она пожала плечами.

- Тебе же известно, что нас с Катькой бабушка растит. А родители... - Она запнулась всего

лишь на мгновение. – Они умерли.

– Что, прям вместе? В аварию попали? – ляпнул Борька и обругал себя скотиной безмозглой.

Что поделаешь, не отличался он особой щепетильностью, частенько задавал бестактные вопросы, ставя собеседника в тупик. Но делал он это неумышленно, скорее от недостатка воспитания, чем в стремлении обидеть человека. Частенько и сам из-за этого страдал, попадая в неловкое положение. Вот как сейчас сказал, не подумав, и только потом сообразил, что с языка сорвалось.

– Ты это, Лен, если не хочешь, не говори, и вообще...

– Ну почему же, – отозвалась она ровным бесцветным голосом. – Папа погиб, когда мне семь лет исполнилось. Катьке два годика тогда было. Его машина сбила. А мама... – Лена едва слышно вздохнула, и только лишь потому, что Борька наблюдал за ней, он это заметил. – Мамы не стало пять лет назад.

«Значит, через три года после смерти отца», – прикинул он в уме.

– У тебя все же сестра есть. А я вот один «любимый», иногда дома словом не с кем перекинуться, – сказал он, сам не понимая, может ли эта фраза успокоить Ленку.

– Да. Я сестру люблю, – согласилась она, повеселев, и его тоже отпустило.

– А чего вы с ней в разных школах учитесь?

– Бабушке так удобнее. У нас ведь во дворе школа есть. Не такая, конечно, хорошая, как наша, но зато рядом. А Катька, она непоседливая, за ней глаз да глаз нужен.

– Зато тебя из дома не вытянешь, – сказал Борька с оттенком досады и тут же, чтобы Ленка не успела опомниться, предложил: – Давай сегодня в «Кашалот» сходим посидим. Пятница все же.

– Извини, не получится. – Она старательно отводила взгляд, и Борьку это здорово задело.

– У тебя уж вторую неделю не получается, – напомнил он. – Чем ты так занята, может, откроешь секрет фирмы? – В его голосе зазвучала обида и что-то вроде иронии.

Он ждал ответа, но Лена, похоже, не собиралась ему отвечать. Она протянула руку за рюкзаком.

– Мы пришли.

Точно. Они стояли возле ненавистой булочной. Пункт прибытия. Борька неохотно снял лямку с плеча и отдал ей потрепанный кожаный рюкзак.

– Почему я не могу тебя до подъезда проводить? – недовольно проворчал он. – У вас что там, злая собака живет?

– У меня окна на эту сторону выходят, – честно призналась Лена. – Не хочу, чтобы бабушка увидела. Она у меня строгая. А ты если не хочешь, можешь больше меня не провожать, я не обижусь. Ну, пока! В школе увидимся.

Лена зашагала вперед, не оглядываясь.

«Как бы не так!» – подумал Борька, разворачиваясь в обратную сторону. Он не собирался сдаваться. Ленка его здорово зацепила, может быть, он даже в нее влюбился – он пока еще не очень разобрался в своих чувствах. И это в принципе совсем неплохо, что на его пути возникли трудности. Во-первых, настоящий мужчина должен уметь их преодолеть, а во-вторых, то, что легко достигается, никогда не ценится. Так говорил его отец. Борька редко с ним соглашался, но это был как раз тот случай, когда он разделял его мнение. И он чувствовал, что нравится ей, как может нравиться парень девчонке, вот только не мог понять, что же ее сдерживает?

2

Едва Лена вошла в квартиру, как услышала:

- Семеновна, давай споем мою любимую! – и, не дожидаясь согласия, ба запела сильным красивым голосом, недаром она на Волге родилась, там все голосистые.

Ромашки спрятались, поникли лютики...

«Так, ясьень пень! Раз до «ромашек» добрались, значит, на кухне широкое застолье», – вздохнула Лена и принялась расшнуровывать потрепанные ботинки на толстой подошве. Но что поделаешь, других пока не имеется, и в обозримом будущем не предвидится. У нее нога почти перестала расти, так что она еще вполне может и в эти в школу походить, а вот у Катюхи с осени лапа вымахала аж на размер, так, глядишь, скоро и ее тридцать седьмой догонит. Тогда все! Полный трындец! Не только разденет, но и разует. А с другой стороны – две пары обуви вместо одной. Меняйся – не хочу! Правда, у Лены есть еще стильные «сезонные» полусапожки темно-вишневого цвета, вот только их она бережет, редко обувает. И тем более не в такую хлябь, что сейчас на улице.

К тому моменту, когда Лена нашла в коридоре свои тапочки с замятыми пятками, бабушка уже выводила припев по второму разу, а соседка с первого этажа, Семеновна, которая была на десять лет старше бабушки, подпевала ей тоненьким высоким голосом:

Зачем вы, девушки, богатых любите,
Одни страдания от той любви...

Лена отлично знала, что здесь поется не «о богатых», а «о красивых», но бабушка пела эту песню на свой манер. Не зря же она, вздыхая, учила Ленку: «Придет время, девонька, руби сук по себе! Родная бабка плохого не посоветует! Вот мы с твоим дедом Иваном тридцать годков душа в душу прожили, потому что ровня были».

Скорее всего, под воздействием бабушкиных нравоучений Лена и начала встречаться с лопоухим Колькой Ежовым. Он не был ни красивым, ни богатым. Достаток в семье ниже среднего, как принято говорить – не на пороге бедности, но у ее границ. Только в семействе Серовых источник дохода бабушкина пенсия, ее зарплата уборщицы, скромное пособие за умерших родителей да Ленкины приработки шитьем. Шьет она качественно, заказов много, только успевай поворачиваться. А у Кольки Ежова – зарплата мамы со средним образованием да алименты отца, который его бросил. Так что тоже не расшикуешься.

И все же ничего у них с Колькой не получилось, несмотря на социальное равенство. Встретились раз шесть. Как-то он ее в гости к Юрке Метелкину пригласил. Закончился этот вечер неожиданно. Колька выпил лишнего и признался ей в любви, а потом целоваться полез. А какой девчонке в пятнадцать лет не хочется услышать эти слова и попробовать поцеловаться по-настоящему? Вот Ленка вопреки здравому смыслу и решила, что у них может роман

завязаться. А ведь отлично знала, что ничего путного из этого не выйдет. Колька был всерьез и надолго влюблен в одноклассницу Юльку. Да в общем-то он Ленке и не так чтобы нравился. Сказал: «Брось меня!» – она и бросила, и ни капли не расстроилась, напротив, порадовалась даже, когда они с Юлькой помирились.

А вот Борька Шустов... Он парень заводной, любит пошкодить, повыпендриваться на публику. Ну так что ж? Все мы не без греха. Зато есть в нем что-то такое, что выделяет его из общей массы. Живет в нем постоянная готовность совершить поступок, причем неважно какой – хороший или плохой. Это зависело от многих причин – в первую очередь, как говорил сам Борька, «оттого, куда поведет». Сейчас его, к примеру, на хорошее повело – в учебу ударился. Двойки почти исчезли, учителя не нарадуются. И вот теперь этот Борька ходит за ней по пятам, приглашает ее то в кино, то в кафе, а она в тяжких раздумьях пребывает – нравится-то он ей, конечно, нравится, но все ж не одного они поля ягодки.

Девчонки, которым удалось побывать у него в гостях, рассказывали, что кругом такие навороты, что им и не снилось: обстановка и аппаратура вся импортная, в окнах стеклопакеты, полы с подогревом, свет регулируется от умеренного до сильного. Папик у Борьки крутой, строительной фирмой владеет. Ленкина бабушка у него уборщицей трудится за сто долларов в месяц. Работа пыльная, но не более двух-трех часов в день занимает. Когда генеральная уборка – Ленка и Катька помогают. Борька об этом ничего не знает. Да и незачем ему об этом знать. Она шваброй на каникулах махала у его папика в офисе, плитку кафельную протирала, унитаза драила, а Борька с отцом на Канарах отдыхал. Приехал загорелый, кожа чистая. Куда только прыщики подевались? И мама у него вся из себя ухоженная – макияж, солярий, фитнес-центр и т.д. и т.п. Не работает, разумеется. Ленка ее много раз в школе видела. Ее Кошка часто вызывает.

Завуч у них жандарм в юбке. Чуть что, замечание в дневник: «Прошу родителей явиться в школу». В прошлом году у Ленки книгу отняла, так и не отдала. Сказала: «Пусть родители за ней придут, – потом вспомнила и поправилась: – Бабушка». Как же! Разбежалась – догоняйте! Она не дуручка, чтобы отправить бабушку за книжкой «Сто вопросов и ответов про ЭТО». Ленке ее Наташка дала почитать, подружка из соседнего подъезда, пришлось потом ехать на Арбат и покупать такую же. Подруге без этого пособия не обойтись. Она всегда влюблена. Так устроена. Сейчас она встречается с Эдиком из одиннадцатого класса. А вот Ленка, наоборот, еще ни разу серьезно не влюблялась. А честно признаться – хочется быть как все.

У них в классе многие стрелой Амура поражены. Лиза Кукушкина в одного из близнецов влюблена, парень в другой школе учится. Ее подружка Туся – в Толика Сюсюку. Теперь он, конечно, никакой не Сюсюка, а нормальный парень, к тому же талантливый баскетболист. У Маринки роман со студентом из иняза, говорят, он был слепой, а потом прозрел. Чего только в жизни не случается?.. Максим вон Елкин на нее поглядывать стал. А все вокруг думали, что он влюблен в Кукушкину навечно. Только Макс ей ни капли не нравится, и потом он отличник. О чем она с ним разговаривать будет? О компьютерах, что ли?

Лена провела рукой по растрепавшимся волнистым волосам и мельком взглянула на свое отражение. Ну милотидная, ну блондинка с длинными волосами, ну глаза голубые... Подумаешь! Все это она уже не раз видела. А с Борькой все как-нибудь само решится. Надоест ему ее тяжелый рюкзак таскать, он и отстанет.

- Ба, я пришла! – крикнула Лена громко.

Песня оборвалась, на кухне завозились, уничтожая следы застолья. А вскоре и ба появилась в дверях. Высокая, дородная, с добродушным круглым лицом и раскрасневшимися щеками.

- Когда это ты вошла? - Ба деловито вытерла руки о передник. - Что же это я не слыхала, чтобы ключ ворочался?

- Так вы же о любви пели, - сказала Лена, пошла в ванную мыть руки и услышала:

- Пойду я, Ксения Матвеевна, ты меня не провожай, сама дорогу найду. Ты лучше девчонкам еду разогрей, небось щас и Катька с экскурсии вернется.

Семеновна, вернее сказать, Мария Семеновна Романова, пошла к выходу, но остановилась у открытой двери ванной и, молча понаблюдав, как Ленка намыливает руки, произнесла:

- Ты, Ленка, на бабу не обижайся. Сама знаешь, какая у нее *жисть* тяжелая.

Ленка обернулась. Худенькая Семеновна смотрела на Ленку пронзительными и мудрыми глазами.

- Я и не обижаюсь, с чего вы взяли, Мария Семеновна?

- Вот и не обижайся, - снова повторила она, уже без укора. - А то, что мы сегодня по рюмочке другой выпили, так нам сам Бог велел. Во-первых, пенсия сегодня. А во-вторых, день такой - грех не выпить. - Она мельком обернулась назад и голос понизила, чтобы бабушка не услышала. - Мать вашу пропащую помянули.

«Пропащую» сказала, не «пропавшую». Ну что это, если не оговорка по Фрейду, о котором Семеновна, наверное, и не слышала никогда? Соседка ушла, а Лену захлестнули воспоминания, которые она хранила глубоко в себе. Она словно вернулась на пять лет назад в тот февральский вечер, когда мать собралась в магазин.

«Нужно здоровье поправить!» - сказала она, набрасывая черное пальто, и Катька, глупая, которой было пять лет от роду, повторила за ней: «Нужно здоровье поправить!» А Ленка едва не заплакала. Она хорошо понимала, что означают эти слова. Мать после смерти отца стала спиваться. За три года непутевой жизни и красоту свою растеряла, и саму жизнь. «Не родись красивой, а родись счастливой», - приговаривала мать всякий раз, поправляя здоровье. А когда она напивалась, то плакала и говорила, что не для счастья родилась, и их жалела - сиротами называла.

В тот февральский вечер она домой так и не вернулась. Катька спала, а Ленка сидела и тревожно вглядывалась в темноту за окном. Она очень хорошо помнит, как тогда на улице мело и вьюжило. На следующий день кто-то из соседей сказал, что видел, будто из магазина мать уходила под ручку с каким-то мужчиной нетрезвой наружности. Так это или нет, теперь никто не узнает. Только мать после этого пропала, да так, что милиция не смогла разыскать. Сердобольная Семеновна отбила на свои кровные пенсионные телеграмму, приехала бабушка из Волгограда, и они стали жить втроем. Первое время Лена все ждала, что вот откроется дверь и мама войдет в квартиру, потом ждать перестала, а спустя два года поверила, что матери больше нет в живых.

Заслышав шум на кухне, Лена утерла слезы тыльной стороной ладони. Торопливо сполоснула лицо холодной водой. Плакать нельзя. Нельзя, чтобы увидела бабушка, расстроится еще больше, а у нее и так давление высокое. Надо же, как все сложилось сегодня, и Борька ее о родителях вдруг спросил. Она же его не обманула, просто не сказала всей правды. Да и как об этом рассказывать. Стыдно. Когда это случилось с мамой, на Лену столько слухов и сплетен обрушилось, что она долго мучилась вопросом: «Почему люди бывают так жестоки?» Она и в школу другую перевелась, чтобы избежать разговоров в старой.

«Хватит об этом думать, – приказала себе Лена, – поесть быстренько – и за машинку». Ей нужно было дошить к воскресенью платье из крепа соседке по этажу. Та собиралась отмечать свой день рождения в ресторане «Прага». У нее праздник, у Лены – деньги за работу. Бабушкиной пенсии надолго не хватит, все же их трое, а цены на продукты все время вверх ползут, и еще нужно квартиру трехкомнатную оплатить, и телефон – как-никак начало месяца. Да и обновкой хотелось себя порадовать ко Дню святого Валентина. Нужны были туфли. Обувь Лена пока не научилась шить. Она присмотрела одни бежевые лодочки на тонких скошенных каблукках за шестьсот тридцать рублей на распродаже. Из кожи молодой клеенки, конечно, но вполне приличные. Только бы их никто до нее не купил.

– Садись за стол, – сказала ба, едва Лена вошла в кухню, и потерла ладонью желудок.

Ба казалось, что она сделала это незаметно, но внучка увидела и нахмурилась:

– Ба, у тебя опять болит?

– Селедочку жирную съела, вот и заныло немножко. Пройдет, – суежилась она у плиты.

– Сколько раз просила, сходи к врачу. – Лена усадила ба на стул и сама налила себе щей. Щи на куриных потрошках получились наваристые, в звездочках. – Ты же не маленькая, чтобы тебя за руку вести, – ворчала Лена, уплетая за обе щеки.

Прогулка по воздуху нагуляла аппетит. На плите еще стояла кастрюлька с картошкой-пюре, а на столе та самая селедочка.

– Схожу, схожу как-нибудь, – рассеянно пообещала ба в сотый раз.

Лена в сотый раз поверила. Знакомая картина, не правда ли? Вместо того чтобы настоять и, если нужно, за руку отвести, мы всегда выбираем путь наименьшего сопротивления.

3

– Лен, а нарисуй моей Ритке новое платье.

Старая швейная машинка «Радом» замедлила ход: раньше поляки умели делать, двадцать лет этой машинке, а бегают как новая, при должном уходе, разумеется.

– Мне некогда, Кать. Давай завтра, у меня что-то пройма сборит, – огорченно отозвалась Лена. – Сама знаешь, у Нины Васильевны день рождения, она платье ждет.

– У моей Риты тоже день рождения, – схитрила Катька. – Что же получается, у соседки будет наряд к празднику, а у моей любимой куклы нет?

Машинка остановилась. Лена подняла голову от шитья. На нее смотрели самые доверчивые глаза в мире, но и самые хитрые. Катька была похожа на отца. Лена на маму. У Катьки были темно-каштановые волосы, заплетенные в косы, и карие глаза. Их редко принимали за сестер, но это не мешало Ленке горячо любить младшую сестру. Та хорошо училась, несмотря на свою неусидчивость. И память у нее была отличная. Прочитает один раз параграф – и шпарит как по писаному. Ленке, в отличие от сестренки, приходилось трудиться над уроками, чтобы средненько учиться.

– Лен! – напомнила Катька елевым голоском.

- Ладно, - сдалась Ленка. - Тащи сюда куклу.

- Ура!..

- Тихо! - цыкнула на нее Ленка. - Забыла, бабушка спит?

- Забыла, - шепотом откликнулась Катька, прикрыв рот рукой, а потом соскочила со стула и отправилась в комнату за своим богатством.

Рита у Катьки была особенной. Года три назад Лена нарисовала сестре собственную куклу, чтобы та тайком не брала ее любимую Вику. Откуда у Лены взялось это увлечение - рисовать бумажные куклы и одежду к ним? Кто знает. Она помнила только то, что моделировать и превращать свои замыслы в реальность на бумаге она стала едва ли не раньше, чем научилась читать. Вскоре ее игра «наряжать» превратилась в болезнь. Лена дня не могла прожить без фантазий. Чем новеньким порадовать свою Вику, когда та пойдет в кино, или в школу, или к подруге в гости? Ленка и свою подругу Наташку заразила этой болезнью. Они часами просиживали за столом, изобретая новые наряды для своих бумажных кукол. Позже, когда подруги повзрослели, у их бумажных Барби, конечно же, появились свои Кены. Лена нарисовала. Изменилась ситуация, изменились туалеты и игры. Теперь девчонки все чаще закрывали дверь. Когда появлялась свободная минутка, они разыгрывали любовную романтическую историю со своими куклами, беря на себя по очереди роль Кена и Барби. А примерно год назад Наталья сказала: «Все! Хватит дурью маяться. Мне это больше не интересно!» - подразумевая, что пора повзрослеть и самим романы с какими-нибудь Кенами завести.

Лена тогда (не без тайного огорчения) убрала свою Вику и ее друга со всем их гардеробом в коробку и припрятала до лучших времен. Скоро, похоже, это наследство Катьке отойдет. Она уже о мальчишках разговор изредка заводит.

- Вот! - Катька выложила на стол коробку из-под «Ассорти» с розами, где хранилось ее богатство, и цветные карандаши.

Ленка, как всегда, расстроилась, взглянув на набор карандашей в три яруса и тридцать шесть цветов. Некоторые карандаши, вернее, не некоторые, а самые ходовые и красивые цвета после года пользования ими больше походили на огрызки, чем на карандаши. Но где теперь купишь такие красивые оттенки и такой необычный набор? А если они где-то и продаются, так, наверное, бешеных денег стоят. Ничего, и этими еще вполне можно порисовать, всего лишь нужно надеть колпачки от ручек на огрызки, чтобы удобнее было держать в руках.

- Ну, что тебе рисовать?

- Платье. Ей же восемь лет исполняется, - сообщила Катька и добавила: - И подарок.

- Мишку, что ли, плюшевого?

- Ага, как у Сафроновой, - согласилась Катька, улыбаясь. - А еще, Лен, ты ей брюки новые нарисуй, нет, лучше джинсы клеш с вышивкой.

- Ладно. А к ним свитер новый нужен, на улице еще холодно, - загорелась Ленка, обводя контур куклы.

В ее голове уже рождался замысел очередного бумажного шедевра.

А час спустя к ней на кухню заглянула довольная Катька.

- Лен, тебя какой-то парень по телефону домогается. Сказал, что одноклассник.

Щеки у Лены вспыхнули.

- Так уж и домогается, - проворчала она, однако быстро вскочила и побежала в комнату. Катька припустилась за ней.

- Да... - Голос Лены слегка дрогнул.

- Лен, это я.

- Да, - снова осторожно сказала Лена, услышав голос Борьки. Впрочем, сердце и без того подсказывало ей, что звонит именно он. - Что-то случилось?

- Нет. Ничего не случилось... плохого, - добавил он в конце.

- А зачем ты звонишь? - спросила Лена и краем глаза заметила любопытную Варвару с бумажной куклой в руках.

Вот хитрюга - подслушивает! Она отвернулась к стенке и зажала трубку рукой. Не то чтобы Лену потряс этот звонок, нет, конечно. Борька ей и раньше звонил. Например, когда задание забывал записать или нужно было предупредить, что собрание перенесли. Но чтобы так, без дела, тем более они расстались несколько часов назад.

- Сам не знаю, - ответил Борька, шумно вздохнул и вдруг сказал: - Нет, вру, знаю. Просто захотелось услышать твой голос.

Тут у Лены подкосились ноги. Хорошо, что табуретка всегда была рядом с телефоном. Она опустилась на нее. Услышать ее голос!

«Ой! Мамочки! Что же это делается?!» - пронеслось в голове.

- Лен, ты еще здесь? - спросил Борька, встревоженный ее молчанием.

- Здесь, - отозвалась она, совершенно в этом не уверенная. Состояние было странное - космическое, прямо скажем, состояние: она вроде как сидела на табуретке, а на самом деле воспарила куда-то под небеса.

- А я испугался, что нас разъединили. Давай поболтаем?

- Давай. А о чем?

- Не знаю. О музыке. Тебе Эминем нравится?

- В общем-то, нравится, - увереннее сказала Лена.

- Хочешь его последний диск послушать?

- Конечно хочу!

У нее сидишника не было, но Наташка иногда давала свой послушать разные группы, чтобы Ленка не отставала от жизни. Сама Наталья колбасилась от попсы, однако и к рэпу относилась

с уважением. А тут все же новый диск Эминема.

Они с Борькой проговорили минут сорок. О музыке, о школе, в общем, обо всем понемножку. Ленка поймала себя на том, что все время улыбается. Разговаривать с ним было легко. Кажется, он готов был говорить с ней всю ночь, Лена не возражала, если бы не бабуля. Та уже несколько раз мимо прошла, намекая, что пора и честь знать. И Борька словно почувствовал это.

- Наверное, поздно уже.

- Наверное.

- Будем прощаться?

- Давай, - неохотно согласилась она.

- Тогда спокойной ночи. Да, Лен, я тебе завтра диск принесу.

- Ладно. Ой! - выкрикнула Ленка, но в трубке уже слышались короткие гудки.

«Как же завтра? Ведь завтра суббота. Он, вероятно, перепутал, хотел сказать, в понедельник в школу, а вышло завтра», - подумала Лена.

Но она ошиблась.

Если Борька говорил завтра, значит, завтра - и ни минутой позже.

На следующий день ближе к часу в дверь позвонили.

«Кто бы это мог быть?» - переглянулась она с бабушкой и Катькой и пошла открывать. Звонок был незнакомый. Семеновна звонила отрывисто, по несколько раз нажимая на кнопку. Катькины подружки словно азбуку Морзе отбивали. Наталья звонила один раз длинно, потом ждала и, если ей долго не открывали, повторяла звонок. А тут...

Лена посмотрела в глазок: на площадке стоял Борька. Она поспешно одернула спортивную рубашку поверх вельветовых брючек, провела расческой по волосам, досадуя, что под рукой нет губной помады, и только после этого открыла дверь.

- Привет! - Борька улыбался так широко, словно она пригласила его в гости и он ждет не дождется, когда же этот праздник состоится.

- Ты откуда мой номер квартиры узнал?

- Мои проблемы, - отмахнулся он от такого несущественного вопроса. - Вот. Я диск принес. Может,пустишь?

Тут и ба подключилась:

- Кто там, Алена?

- Это ко мне, одноклассник. Проходи, - пригласила Лена Борьку и отступила в глубь коридора.

Борьку трудно было смутить, он по жизни был как пуленепробиваемый жилет. Быстро освоившись в прихожей, он повесил свою канадскую куртку на крючок и стал расшнуровывать

ботинки.

- У меня тапочек сорок пятого размера нет.

- У меня сорок второй, - охотно уточнил он. - Но ты можешь не беспокоиться из-за такой ерунды, я и в носках похожу, мне не привыкать. Дома я вообще босиком шлепаю.

«Еще бы, по теплым-то полам!» - подумала Лена. И еще она подумала, что теперь нужно что-то ба объяснять. Катька непременно прибежит. О! Уже тут как тут!

- Здравствуйте, я Катя. - Она протянула Борьке ладошку ребром, пальчики все один к одному сложенные. И где только научилась?!

- Здраво! - поздоровался Борька. Он всегда так здоровался с ровесниками и потряс ей руку. - Я Борька. А то, что тебя Катериной зовут, я, представь себе, знаю.

- Это ты вчера вечером звонил? - хитро прищурилась сестра.

- Ага, - не стал отпираться Борька.

Катька, удовлетворив свое любопытство, уступила место ба.

- Ба, это Боря. Мы с ним вместе учимся, в одном классе, - сказала Лена, чувствуя некоторую неловкость. К ней еще никогда не приходили в гости мальчишки, а точнее сказать, не сваливались как снег на голову, без всякой подготовки. Кто знает, как ба к этому отнесется?

- Здравствуйте, - вежливо поздоровался Борька.

- Здравствуй, здравствуй, - сказала ему ба и посмотрела так, словно рентгеновскими лучами просветила. - Меня Ксенией Матвеевной величают. Запомнить не трудно.

- Я запомню, - пообещал Борька.

- Ба, мне Боря кассету принес послушать. Мы с ним в комнату пойдем посидим.

- Чего ж не посидеть, посидите, - разрешила ба.

Ленка взяла Борьку за руку и повела к себе. В комнате, едва закрылась дверь, она попыталась разъединить их пальцы, но ей это не сразу удалось, Борька отпустил ее неохотно. Его изучающий взгляд скользил по дешевым обоям, удобной, но старой мебели, ее письменному столу, на котором не было компьютера, как у многих ее одноклассников, взгляд задержался на постели, прикрытой простеньким покрывалом, а потом переместился на нее.

- Вот, значит, как ты живешь.

- Да, вот так я и живу, - сказала Лена с вызовом и скрестила руки на груди.

- Хорошо у тебя, - неожиданно признался Борька, - уютно. Знаешь, - его карие глаза тепло улынулись, - бабкину квартиру напоминает.

- А где твоя бабушка живет? - заинтересовалась Лена, позабыв о своих волнениях.

Она боялась показаться убогой вместе со своей комнатой, а оказалось, что Борьке здесь нравится и он вовсе не сноб, как она о нем думала.

- В Северодвинске. Есть такой городок на Беломоре. Отец ее сюда зовет, а она не едет. Сказала, что умирать будет в своей кровати.

- Умирать? - Ей стало не по себе.

- Нет, это она так образно выражается, - поспешил успокоить ее Борька. - Она у меня крепкая, на охоту ходит. Лыжные забеги такие устраивает, что мне ее не догнать.

- Тогда хорошо! - расслабленно улыбнулась Лена, страх в сердце мгновенно растаял. Просто боится она этого слова, за которым ничего, а может быть, наоборот, целая вечность. Кто знает? Но думать об этом не хочется, когда впереди целая жизнь. Лена тряхнула головой, избавляясь от неясного беспокойства, и спросила: - А ты часто бабушку видишь?

- Не очень. Собирался на эти каникулы к ней съездить, да мать настояла на море. А это твои родители? - Борька взял фотографию в рамке с книжной полки.

- Да.

- Красивая у тебя мама, - каким-то особенным голосом сказал Борька и вернул фотографию на место. - Ты на нее похожа.

- Все так говорят. Ну чем займемся?

Борька виновато улыбнулся:

- Ты не сердись, что я вот так понахалке приперся?

- Теперь уже не сержусь. Ты, кажется, ба понравился.

- Так я же обаятельный! Ты присмотришься ко мне. - Он повернулся в профиль, чуть приподнял пальцем кончик своего носа и скопил глаза на нее. - Ну как? - Ленка не выдержала и расхохоталась. - А где у тебя плеер?

Ее смех мгновенно оборвался.

- Зачем он тебе?

- Хотел, чтобы ты песню одну послушала прямо сейчас.

- Он... он у Наташи. Это моя подружка. Она тоже на «горбушке» какой-то новый диск прикупила, в общем, я дала ей свой плеер на вечер, - вдохновенно врала Ленка, понимая, что иного пути нет.

- Как же она без плеера обходится?

«Тебе такое и представить трудно», - усмехнулась про себя Лена и, вспомнив, что Наталья ей недавно хвасталась, сказала:

- У нее старый сломался. Ей мама новый обещала купить, какой-то МП-3 с флешкой.

- Зашибись! - уважительно отозвался Борька.

А спустя полчаса к ним заглянула ба.

- Идите руки мыть. Обедать будем.

Она не спрашивала: хочет Боря обедать у них или нет, она просто ставила их перед фактом, но Боря, кстати, не собиравшись возражать. Он с удовольствием вымыл руки и сел за стол, когда его пригласили.

- У нас все по-простому, Боря, без всяких там дипломатических церемоний, - предупредила ба, наливая вчерашние щи в его тарелку. - Что есть на столе, то и ешь. Это вот щи. Вчера варила, а щи, Боря, на второй день всегда вкуснее, чем в первый.

Борька склонил голову над тарелкой, повел носом:

- Божественно пахнет.

- Что запах, ты вкус оцени.

Он схватил ломоть черного хлеба, и рука с ложкой замерла над тарелкой.

- А сметанки нет? - Он оглядел стол, на котором были хлеб, любимая селедка ба, сыр и вареная колбаса и еще салат с крабовыми палочками (это ба постаралась по случаю гостя).

- Нет. Купить забыли! - отрезала Ленка.

Борька смутился, скулы его порозовели.

Он зачерпнул щи, проглотил, а потом его ложка замелькала с такой скоростью, что у Ленки сложилось впечатление, что парня дома не кормят. По крайней мере горячим.

- Добавки хочешь? - спросила ба, улыбаясь. Ей всегда нравилось, когда у мужчин здоровый аппетит. - Давай еще половничек подолью.

- Нет, спасибо. Очень вкусно. Я таких щей никогда в жизни не ел, - счастливо вздохнул Борька, поглаживая себя по животу.

- Погоди! Ты еще моего пирога с рыбой не пробовал, - пообещала ба.

Тут Ленка окончательно поняла, что Борька каким-то непостижимым образом протоптал дорожку к бабушкиному сердцу. Один Бог ведает, как ему это удалось за такое короткое время.

Потом они пили чай с шоколадным зефиром, который ба где-то припрятывала для случая. А уже после чая Лена вышла проводить Борьку.

- Вот видишь, ничего страшного не случилось. - Борька чувствовал себя героем. - И бабушка у тебя нормальный чел! Чего ты так боялась?

- Ну да. Пришел, увидел, победил! Смотри не возгордись! - предупредила Лена.

- Лен, а давай завтра в кино пойдём? На «Матрицу-2»?

- А на какой сеанс?

- В семь. На «Баррикадную». Я билеты куплю. В шесть за тобой зайду. А?

- Хорошо, - улыбнулась Лена.

- Тогда до завтра. - Борька пошел по тротуару, развернулся. - Я сегодня перед сном тебе позвоню. Можно?

- Что-то не припомню, чтобы ты вчера разрешение спрашивал, - шутливо ответила ему Лена.

- Виноват. Исправлюсь. Уже исправляюсь. - Борька приложил к груди руки в кожаных перчатках. Он шел, пятясь задом, как рак. - Так можно?

- Упадешь, дурачок!

- Можно? - не отступал он.

- Можно. Звони, только не позже половины одиннадцатого! - Лена махнула ему рукой на прощанье.

На ней были красивые варежки с рисунком. Их связала Ира Дмитриева в благодарность за то, что Лена к Новому году сшила ей платье для школьного бала.

4

Людмила Романовна Шустова тревожно прислушалась: поет!

Нет! Это надо же?! Ее сын поет! Голосит на всю ванную под шум льющейся воды: «Куда ты денешься, куда ты денешься, когда согреешься в моих руках, сперва забудешься, потом заблудишься, потом окажешься на облаках...»

Ни много, ни мало! Согреешься, заблудишься...

Людмила Романовна, редко утрачивающая контроль над ситуацией и собственными эмоциями, неожиданно растерялась. И есть отчего! Сын, кажется, серьезно влюбился! Когда это происходит в первый раз, для матери это всегда событие и всегда неожиданное. А тут все признаки налицо - поет о любви, стал по утрам душ принимать, зубы два раза чистит - утром и перед сном (она щетку проверяла - мокрая). Мало этого, одеколоном поливается, кстати, нужно напомнить, чтобы потреблял, но не злоупотреблял, и, главное, рубашки и носки меняет каждый день, ясно, что хочет понравиться какой-то девочке. Вопрос: какой? С этим нужно разобраться.

Единственное, что Людмила Романовна Шустова любила в этой жизни больше, чем самую обеспеченную жизнь, был ее сын Боря. Ради его благополучия она готова была на все. Муж не раз говорил ей, что этой бездумной (именно бездумной, а не безумной) любовью она губит сына, что детей нужно воспитывать, а не взращивать, как цветы на даче. Но Людмила Романовна только отмахивалась. Для нее не существовало авторитетных мнений в вопросах воспитания. Материнское сердце - вот главный критерий, когда речь заходит о детях.

Но тут ее размышления и тревоги по поводу влюбленности сына прервал звонок в дверь.

«Кого это ни свет ни заря несет?» - раздраженно подумала мадам Шустова и пошла открывать.

Действительно, визитер выбрал не слишком удачное время, стрелки часов едва перевалили за десять, но, видимо, тот, кто решился побеспокоить людей в столь ранний час в воскресное утро, испытывал в этом острую необходимость.

- Юрочка, проходи, - расцвела в улыбке Людмила Романовна.

Она всем материнским сердцем одобряла дружбу сына и Юры Метелкина. Семья у него была положительная во всех смыслах. Отец возглавляет филиал банка «Северные россыпи», намек на алмазы Якутии, а мама трудилась переводчицей в совместной японско-российской фирме. В общем, их уровень.

- Здравствуйте, Людмила Романовна. - Юра поздоровался громко и, как показалось мадам Шустовой, был излишне возбужден.

- Что-то случилось, Юрик?

- Нет, мне Борька нужен. Он дома?

- Дома. А где же еще ему быть в десять часов. Он в ванной. Я ему сейчас скажу, что ты пришел. Проходи.

Пока мадам Шустова говорила, Юра повесил куртку и пошел в комнату к Борьке.

Людмила Романовна проследила за ним взглядом и, подойдя к двери в ванную, стукнула в нее костяшкой пальца:

- Боря, к тебе Юра пришел. - Она приложила ухо к двери: - Ты слышишь?

Шум воды прекратился. Водопад внезапно иссяк.

- Да, слышу. Я сейчас. Скажи ему, чтобы у меня посидел.

- Уже. Не спеши и как следует вытри ноги. Помни о паркете.

Мадам Шустова отправилась в комнату сына, попутно заглянув в спальню - муж спал, раскинувшись на кровати. На своей кровати. Они давно уже спали в разных постелях.

- Юрочка, а можно, я у тебя спрошу, пока Бори нет.

- Можно.

- Ты, случайно, не знаешь, с какой девочкой он встречается? - Людмила Романовна всего лишь предположила, что дело дошло до встреч, и была наугад, но, как оказалось, без промаха.

- Почему не знаю. - Юрка фыркнул и пожал плечами. - Это у нас каждому известно. С Ленкой он встречается, с Серовой, из нашего класса.

- Да? - Мадам Шустова почувствовала некоторое облегчение: все же девочка ровесница и из одного класса, но, как она ни пыталась, как ни напрягала память, к сожалению, так и не смогла вспомнить эту Лену Серову. - А она хорошая девочка? - снова спросила Людмила Романовна.

- Обычная. Я вообще-то к ней не приглядывался, - почему-то раздраженно сказал Юра. - Мне эти шуры-муры, Людмила Романовна, по барабану. - Он виновато улыбнулся. - Я хотел сказать, без разницы.

В коридоре слышались шаги сына, и мадам Шустова приложила палец к губам.

- Тшш, пусть это будет нашим маленьким секретом, - предупредила она крайне вовремя, поскольку буквально через секунду распахнулась дверь, и в комнату вошел босой, вымытый с

ног до головы Борька. Из одежды на нем было только полотенце, обернутое вокруг бедер.

- Здраво!

Борька взглянул на мать, и она заспешила по своим делам.

- Привет! - Юрка хмуро улыбнулся.

- Тебе чего не спится? - Борька чувствовал себя бодро после ванной. Юрка, напротив, был какой-то обеспокоенный, нервный.

- Я к тебе по делу. Тут это... - он замялся всего лишь на миг, - в общем, мне нужно травку раздобыть для одного друга. Не можешь помочь? У тебя вроде были тропинки протоптаны.

- Я их давно позабыл. Еще в прошлом году. Знаешь, как в песне поется, позарастали стежки-дорожки. И потом анаша, конечно, наркотик, но не марихуана и не снежок, а ты из меня чуть ли не дилера сделал. - Борька сел в кресло, затянув узел на полотенце потуже. Его глаза так и впились в Юркины зрачки. - Колись, для какого друга стараешься?

- Для друга, - упрямо повторил тот, кусая ногти. - Ты его не знаешь. Мы с ним в одной группе занимаемся.

Ясен пень, о какой группе речь. Юрка после Нового года увлекся восточными единоборствами - айкидо, кунг-фу там всякие.

- И ему, значит, понадобились психотропные средства для достижения спортивных побед? - иронично поинтересовался Борька.

- Он попросил. Я пообещал разузнать. - Юрка поморщился. - Я ему обязан, понимаешь?

- Понимаю, друг, и даже сочувствую, но ничем помочь не могу! - Борька развел руками, давая понять, что тема исчерпана.

- Ладно. На нет и суда нет.

Юрка рывком встал, Борька поднялся за ним, пошел провожать и, доверительно наклонившись к уху, сказал:

- Не лезь ты в этот гадюшник. Его проблемы, пусть сам мозги напрягает, впрочем, какие у него мозги, если он марихуаной балуется.

Спустя полчаса, сидя за кухонным столом, Борька наблюдал, как мать разрезает специальной лопаткой горячую лазанью и кладет мужчинам по большому куску на тарелки. Все это происходило в молчании, впрочем, как всегда. Отец жевал, скорее всего не чувствуя вкуса и не понимая, что ест.

Родители давно уже жили в параллельных мирах, хотя и в одной квартире. Любовь между ними, если и имела когда-то место, давно прошла. Общение продолжалось на уровне бытовых проблем. Борька знал, что отец периодически погуливает на стороне, да тот особенно и не скрывал своих измен. И мать тоже об этом знала, но упорно делала вид, что ничего не происходит. При этом отец был неизменно вежлив с женой, любил сына, и Борька был стопудово уверен, что отец никогда не бросит их ради другой женщины, а мать ни за что не разведется с ним. Похоже, что родителей устраивало такое положение вещей, и Борьке

оставалось только смириться с этим видимым семейным благополучием, поскольку в пятнадцать лет сложно быть независимым. Однако для себя он давно решил, что если когда-нибудь женится, то ничего подобного в своей жизни не допустит. В его сознании давно сложился образ совсем другой семьи, где все тесно привязаны друг к другу, где старшие помогают младшим, а родители верны друг другу до гроба, потому что любят, а не живут вместе из чувства какого-то там долга или в силу привычки. И Ленка, он был уверен, так же думает, ведь у ее родителей была счастливая любовь, судя по фотографии.

Мать налила отцу кофе в чашку из тонкого фарфора. Он поблагодарил кивком головы, когда она добавила кусочек сахара в крепкий напиток.

Вчера, когда Борька обедал у Лены, такого сервиза на столе не было. И не могло быть. Живется ей не так кучеряво, как ему. Он это понимал, когда без приглашения заявился к ней в гости. Но вот чего он не ожидал, так это радушного тепла, которое буквально окутало его с ног до головы в этом доме. Там в тесной кухоньке за столом не молчали, как на похоронах. Там шутили, открыто говорили то, что думали, и не заставляли человека домысливать фразу или искать в ней двойной смысл.

«У нас здесь без церемоний!» – вспомнил Борька слова Ксении Матвеевны, а вслед за ними и обалденные щи с куриными потрошками. Кусок полуфабриката чуть не застрял в горле, и Борька поспешил запить его горячим кофе.

И ведь опять угораздило вляпаться со своим языком: сметанки, видите ли, ему захотелось, как у собственной бабушки. Ничего, больше он такой оплошности не допустит. Будет придерживаться правила: «Лучше лишний раз промолчать, чем что-то лишнее сказать». Внезапно его озарило – конфеты нужно будет купить, когда он за билетами пойдет, Ксении Матвеевне подарить. Катьке чипсов пакет принести или мороженое. А Лене розу на длинном стебле. Девчонки любят цветы. Борька заулыбался, оценив собственную сообразительность и изобретательность. Это он здорово придумал... Он представил себе ее удивление, когда Алена откроет дверь, а там он с розой или даже с тремя. Алена?.. Точно, он будет звать ее Алена, красиво и нежно...

– Ты можешь хотя бы за столом не думать о ней?! – Холодный голос матери резанул ухо и согнал с лица улыбку.

Борька ошарашенно взглянул на мать: мысли, что ли, она читать научилась? Этого еще не хватало при ее удушающей любви к единственному чаду. Но мать смотрела на отца, значит, этот вопрос относился к нему.

Отец тоже очнулся, неохотно вышел из летаргического сна.

– О ком это, о ней? – переспросил он, потянувшись за воскресной газетой.

– О работе, о ком же еще? – Тонкая бровь иронично приподнялась.

Вот оно реальное шоу, телик смотреть не нужно! Борька поспешно допил кофе.

– Мне пора. Спасибо.

– Ты куда в такую рань? – всполошилась мать, забывая об отце и его фантазиях с длинноногими пустоголовыми секретаршами. – К Юрке? Куда это вы с ним собрались? Он за этим приходил? – сыпала она вопросами.

- Нет, не к Юрке! Мне нужно. У меня дела.

Борька наспех оделся, проверил наличие в кармане и, убедившись, что денег на все задуманное хватит, выскочил за дверь, на прощанье громко ею хлопнув.

5

А в это самое время Лена, наоборот, шла открывать дверь. И на этот раз, судя по звонку, к ней пришла Наташка. Но поскольку Лена все еще ходила в пижаме, она посмотрела в глазок. Так, на всякий случай. Борька ведь непредсказуемая личность, способная на все и даже сверх того.

- Привет! - Подруга шагнула через порог, чмокнула Ленку в щеку и, заметив ба, выглянувшую из кухни, крикнула: - Как здоровьице, Ксения Матвеевна?

- Твоими молитвами, баламутка, - добродушно проворчала ба.

- Ну и слава богу, - ответила Наташка и подмигнула Лене: - А ты чего такая сонная?

- Вчера поздно легла. - Ленка не удержалась, сладко зевнула. - Точнее сказать, сегодня, часа в два уснула и полчаса назад встала.

- С платьем возилась, - догадалась Наташка.

- Ага. Кофе хочешь?

- Уже пила.

- Тогда пошли ко мне.

В коридоре им на глаза попала Катя. Наташка сделала ей из косичек рожки, и сестра довольно захихикала, а подруга проследовала дальше, грациозно ступая по затертому линолеуму. Высокая, гибкая, с модной короткой стрижкой, Наташка чем-то напоминала Лене пантеру. Она была старше Лены всего на три месяца, но всем парням без зазрения совести врала, что ей шестнадцать. И ей верили. У нее тоже была своя семейная история, и тоже далекая от совершенной.

Наташкина мама занималась частной адвокатской практикой, работала по двадцать пять часов в сутки и проворонила мужа (так она сама говорила). Отец Наташки, реставратор по профессии, пять лет назад женился на иностранке пенсионного возраста и укатил в Париж. С тех пор в этой неполной семье его называли не иначе как Альфонс. Примерно в это же время, когда Альфонс укатил в Париж, Лена потеряла маму. Может, именно эти житейские невзгоды и сплотили девчонок, раньше Лена никогда об этом не задумывалась, но получалось, что именно они сыграли не последнюю роль в том, что дружба их стала только крепче. Наталье, конечно, легче жилось. Она с мамой и красную икорку просто так, а не по большим праздникам кушала, и за границей каждый год хоть неделю, да отдыхала. Лена не завидовала, у каждого своя судьба. И потом она твердо верила, что когда-нибудь станет знаменитым кутюрье, как Коко Шанель, и тогда сможет осуществить любую свою мечту, например, поехать в Испанию, Италию или Францию и собственными глазами убедиться в том, о чем рассказывала подруга.

Наташка плюхнулась в кресло, вытянула ноги в джинсах и посмотрела на Ленку зелеными глазами, обозначенными черной подводкой:

- О чем задумалась?

- О будущем.

- Будущее далеко, отсюда не видать. Лучше обсудим настоящее. Значит, так, на повестке дня, как в том анекдоте о феминистках, три вопроса: первый – все парни обманщики. – Подруга начала загибать пальцы. – Второй – носить нечего. И разное. Начнем с разного. Рассказывай, куда пропала? Ни одного звонка за три дня.

- Сама знаешь, платье шила и вообще... – туманно отозвалась Ленка. – А что у тебя стряслось?

- В каком смысле?

- Ну, все парни обманщики.... С Эдиком, что ли, поругалась?

На каникулах Наташка начала встречаться с парнем из одиннадцатого класса, Эдиком Ходукеевым. И вот, что называется, не прошло и месяца.

- Если бы поругалась. У нас с ним, похоже, все к концу идет. Третье свидание подряд молчит, о чем-то своем думает. А задумчивость – верный признак охлаждения, уж поверь моему опыту, – сообщила Наташка и беззаботно улыбнулась: – А, ерунда! Какие наши годы, будут у нас еще Эдики. Ты лучше насчет своего «вообще» расскажи.

Тут Ленка не выдержала, так похвастаться захотелось перед подругой, что она все как на духу выложила. И про то, что на нее после Нового года сразу два парня в классе запали, и про то, что Борька ее уже вторую неделю провожает, и про то, что вчера он к ней домой приходил и что сегодня вечером они в кино идут.

- Слушай, Лен, а ты уверена, что они тебе лапшу на уши не вешают? – Наташка скептически поджала губы. – То никого, а то сразу двое.

- А что, так не бывает? – нарочито небрежно спросила Лена, чувствуя легкую досаду в душе. Вместо того чтобы порадоваться за нее, в Наташкином голосе чуть ли не зависть слышится.

- Бывает, конечно, но... – Подруга испытующе взглянула на Лену. – Что-то эта история мне сильно напоминает ту, что с Ирочкой вашей Дмитриевой приключилась. Помнишь, сама мне рассказывала, когда на нее два парня поспорили: кто из них ее первый завоюет. Тоже, между прочим, дело на Новый год было.

- Да нет, зачем им это нужно? – Ленка искренне удивилась: такое ей ни разу на ум не пришло.

- А кто их, этих парней, поймет! – отозвалась подруга, дернув хрупким плечиком. – У них, видишь ли, в голове все устроено не так, как у нас. Я вот тут в одном журнале прочитала, что у мужчин правое полушарие отвечает за логику, а левое – за эмоции, а у нас наоборот. Спрашивается, как можно прийти к соглашению, когда такая фигня происходит?

- Нет, тебе это все мерещится из-за твоего Эдика, – растерявшись, откликнулась Лена.

Она и не предполагала, что между мужчинами и женщинами все так сложно устроено. И, продолжая думать об этом, почти бессознательно призналась подруге:

- Макс даже ко мне ни разу не подошел, так... смотрит на меня иногда на уроках, когда думает, что я не вижу.

- Ну и что? - не сдавалась Наталья, подсевшая на эту идею. - Может, у него тактика такая. Может, он тебя взглядами заманивает? Интригует своей загадочностью. Ты же обратила на эти взгляды внимание?

- Ну, обратила, но он мне ни капли не нравится.

- Это другой вопрос. Сегодня нравится, завтра не нравится. Мне вот тоже Эдик ничуть не нравился, а на новогоднем вечере пригласил танцевать и сразу понравился. В общем, мой тебе совет, Серова: ты присмотришься к ним повнимательнее, прежде чем роман начинать. Особенно к этому активному Боре. А еще лучше, познакомь меня с ним. Я к нему сама присмотрюсь.

Почему-то это предложение не вызвало у Лены энтузиазма. Она, в общем-то, догадывалась почему: в те редкие случаи, когда подружки отправлялись куда-нибудь вместе повеселиться, все восторженные взгляды доставались Наташке. Та умела привлекать к себе внимание.

- Ладно, как-нибудь, - промямлила Лена.

Ее взгляд задержался на столе, где лежал диск.

- Наташ, дай мне свой плеер на денек.

- Зачем?

- Эминема послушать. - Ленка показала диск.

- Ух ты, новый диск! Откуда он у тебя? - Глаза подруги вспыхнули.

- Борька вчера принес из самых лучших побуждений. А я ему наврала, - вздохнув, призналась Ленка, - сказала, что отдала подружке свой плеер послушать музыку.

- А подружка без плеера - это я? - догадалась Наташка. - А ты, значит, у нас девочка с веером, плеером... вечером не ходи, - пропела она, подражая Земфире, и тут же широко улыбнулась, заметив, что Лена нахмурилась. - Не дергайся, дам плеер, слушай на здоровье. Но с условием: я на очереди. Завтра диск принесешь на часок, а заодно и расскажешь, как прошло ваше первое свидание с этим Борей. Или знаешь что?! - с неожиданной экспрессией воскликнула Наташка. - Я тебе плеер совсем подарю. Он мне все равно не нужен. Я мать уломала сегодня на ВВЦ за новым смотреться.

- Да ты что! - Лена замахала руками, отгоняя соблазн. - Я не могу взять.

- Чего это не могу! Можешь! - заверила Наталья Ленку и, хитро прищурившись, сказала: - Ну если ты такая принципиальная, то можешь слепить мне за него какую-нибудь «шедевральную вещичку», и в расчете будем.

- Я так понимаю, мы ко второму вопросу повестки дня перешли?

- Вроде, - усмехнулась Наташка. - Нет, ну, действительно, тут дискотека в «Кашалоте» намечается, а идти совершенно не в чем.

- Это тебе-то не в чем?

- Все всё уже видели. А хочется что-нибудь новенькое, сногшибательное. Ну как, по рукам?

- Боюсь, что к субботе я не успею, - начала отнекиваться Ленка.

Требования у Наташки были высокие. Она любила покапризничать, фасоны всегда выбирала сложные, материал трудный для шитья. Нравится, значит, из него и будем «лепить шедевральную вещицу», и ведь подруге не втолкуешь, что не всегда структура материала соответствует модели, потому что она долевого направление в материале от поперечного отличить не в силах.

- Успеешь, - принялась уговаривать Наташка. - Я простенький фасончик присмотрела в «Базаре». Шаз знаешь какой девиз в моде: «Вперед к победе минимализма!» Тонкие ляпочки, вырез круглый, о длине не говорю, в соответствии с девизом, а сзади... - Наташка принялась подробно описывать выбранный фасон, и Лена поняла, что сдалась. А так хотелось хоть немножко отдохнуть, но все дело было в том, что она и без обещанного подарка взялась бы за шитье, потому что просто не могла отказать подруге. А на счет моды, ее направлений, капризов и новых веяний она могла бы сто очков вперед дать Наташке, вот только желания спорить с ней не было.

Половину фильма, вместо того чтобы следить за событиями и вникать в динамичный сюжет, Лена старалась смотреть на Борьку другими глазами. Вообще-то он и сам предлагал ей к нему присмотреться, так что ничего предосудительного она не совершала, когда украдкой разглядывала его профиль. И выяснилось, что он привлекателен, что нос у него с едва заметной горбинкой, а лоб высокий и прямой, что губы у него тонкие и резко очерченные, а это говорит о силе воли. И хотя она старалась наблюдать за ним незаметно, он все же почувствовал, что с ней что-то не так.

- Ты чего? - тихо спросил он, наклонился к ней и так посмотрел, что Ленка подумала: «Еще один такой взгляд, и я точно в него втрескаюсь, несмотря на все Наткины предостережения».

- Так, ничего, - дрогнувшим голосом ответила она. Потом села прямо, уставилась на экран невидящим взглядом, а руку положила на подлокотники кресла.

И тут произошло то, чего она никак не ожидала в эту минуту и к чему была совершенно не готова: Борька взял и накрыл ее руку своей прохладной ладонью. Сердце у Лены пропустило несколько ударов, а когда он осторожно погладил ее пальцы, забилося, как сумасшедшее, и она сказала себе: «Хватит слушать Наташкины глупости, у тебя же есть сердце, прислушайся к нему».

И зоркое сердце подсказывало ей, что Боре можно доверять. Может, он и был одним из первых кандидатов на вылет из школы, но с ним ей было спокойно и хорошо. Как-то сами собой вспомнились розы, которые он принес этим вечером. Три пышных цветка кремового цвета. Когда он протянул их Лене, на ее глазах выступили слезы, она чуть не заплакала от переполнившего ее счастья. И попыталась скрыть свою радость и волнение, спрятав лицо в бутоны. Ей еще никто никогда не дарил цветов. Вообще никогда. Когда были живы папа с мамой, она была слишком маленькой, чтобы получать в подарок цветы. Дарили, как всем, игры, куклы, устраивали стол с тортом и свечками. Оказалось, получать цветы просто так, без всякого повода, сказочно приятно. Тем более розы. Розы во всем мире считались цветами любви. Скорее всего, Боря об этом ничего не слышал и подарил их, не имея в виду ничего такого, в общем, без всякого глубокого смысла, но Лена все равно почувствовала, что между ними что-то изменилось. В таких случаях часто говорят или пишут: между ними протянулась невидимая нить. Раньше Лене казалось, что это очень смешно звучит, а получилось, что такое существует на самом деле. А потом он и вовсе ее потряс, повел себя галантным кавалером: бабушке вручил коробку конфет, Катке мороженое и чипсы...

Они так и просидели рука об руку до конца фильма, только вроде как поменялись ролями. Каждой клеточкой своего тела Лена чувствовала, как Боря иногда смотрит на нее, и старательно уклонялась от этого взгляда, делая вид, что увлечена картиной. Та, впрочем, так и осталась непознанной загадкой. Перед глазами мелькали обрывчатые фрагменты – экзотический герой-красавец Киану Ривз сражался с силами зла, но, к своему стыду, Лена должна была признаться, что вовсе не спасение мира и всего человечества волновало ее в эти минуты, а то, что происходило с ней самой. А с ней происходили удивительные вещи. Она словно оживала после бесконечного холодного забытья. Было так непривычно и прекрасно не притворяться счастливой, а чувствовать себя таковой.

Когда они вышли из кинотеатра, на небе светила луна, неизменная спутница влюбленных. Было безветренно и морозно. Под ногами похрустывал тонкий лед, затянувший к ночи лужицы.

- Прогуляемся немножко, Ален? – предложил Боря, и Лена согласно кивнула.

«Алена! Она перестала быть Ленкой или даже Леной, она стала Аленой. Когда же это случилось? Неужели в кинотеатре? Получается, что и с ним тоже происходили странные превращения», – с приятным удивлением подумала Лена.

Не сговариваясь, они отправились в противоположную сторону от метро, а потом каким-то непонятным образом их руки опять соединились. Они шли, переговаривались, иногда тихонько смеялись, иногда молчали. Наверное, это и был самый главный разговор. Навстречу им попадались редкие прохожие, заметив сплетенные пальцы парочки, обходили их стороной, наверное, боялись спугнуть зарождающееся чувство любви. Некоторые при этом добродушно улыбались, вспоминая такие же волнующие минуты из собственной жизни, но Лена и Боря ничего не замечали. Для них этот путь домой казался звездной дорогой в будущее.

6

Коля + Лена = Л...

Боря + Лена = Л...

Только все это еще не предел!

У Борьки зарябило в глазах, когда он увидел эти язвительные строчки на доске, написанные печатными буквами. Если бы было написано просто: Боря плюс Лена равняется любовь, он бы так не отреагировал, а этот гнусный намек...

«Т-а-а-к, у кого такое убогое чувство юмора?» – закипая, подумал он, оглядывая прищуренными глазами парней, собравшихся в классе. Девчонок он в классе ни одной не заметил: секреты какие-то ко Дню защитника. Оно и к лучшему. У него есть время разобраться с этим доскомарателем.

Широкими шагами Борька направился к Максиму. Тот сидел с невозмутимым видом, уткнувшись в книжку и вытянув в проход длинные ноги.

- Твоя работа? – Борька ткнул пальцем за свою спину.

- Что именно? Слова песни или вольная интерпретация? – Макс поднял на него глаза, подтянул

очки на переносицу. Из-за линз черные зрачки выглядели крупнее, чем были на самом деле. Он усмехнулся: – Если песню, так это группа «Премьер-министр» постаралась. Развлекается шлягером однодневкой, а все остальное – не по адресу. Я уже давно успокоился, а ты все никак от меня не отвянешь?

– Ты мне мозги не припудривай. – Борька повысил голос. – Я тебя спрашиваю, твои художества?

– Сказал же, нет! – взвился Макс. – Снизь обороты, Отелло хренов!

Одноклассники, почувствовав напряжение, стали подтягиваться к парте. А Комаров Виталик, парень тихий и покладистый, суетливо бросился к доске.

– Да ладно тебе, Борян, я сотру.

– Не трожь! – страшно заорал Борька и, медленно оглядев парней, сгрудившихся возле парты, произнес: – Я того, кто это написал, заставлю носом стирать! Понятно объясняю?

Такая ярость клокотала в нем, что он готов был поверить в то, что только что произнес. Вот уже неделю они сидят с Аленой за одной партой, все вокруг знают, что они встречаются всерьез – и ребята, и учителя. Кому-то это нравится, кому-то нет, это мало его интересует. Каждый волен иметь свое мнение. Но он никому не позволит обижать его девушку и глумиться над их чувством.

Тишину нарушил чей-то голос:

– Ну и достанется Юркиному носу, а вот и он сам пожаловал.

Борька резко обернулся, не обращая внимания на нервный смешок за спиной. Что за черт! Он мог ожидать этой подлости от кого угодно, но только не от самого близкого друга. Правда, после Нового года отношения между ними как-то незаметно для обоих натянулись. Они реже перезванивались и даже в школе практически не разговаривали, в основном во время перекуров перебрасывались фразами на общие темы – хоккей, уроки, фильмы. Не было больше вечеринок у Юрки, он пропадал на занятиях, оттачивая приемы, а Борька все больше времени проводил с Аленой.

«Зачем он это сделал?» – подумал Борька, наблюдая, как беззаботно улыбающийся Юрка направляется к последней парте, которую недавно они делили и за которой, кстати, неплохо ладили. Легко перемахнув через стол, разделяющий ряды, Борька оказался перед приятелем.

– Ты? – только и спросил Борька.

– Ну я! – Глаза Юрки блестели бесшабашным блеском. Он и не подумал отпираться. – Ты, Борян, со своей горячечной любовью совсем перестал «шутку юмора» понимать. – Приятель собрался хлопнуть Борьку по плечу.

В голове у Шустова зашумело, глаза застелила пелена, ни о чем больше не думая, не рассуждая, живя одними эмоциями, он сгреб приятеля в охапку и протаранил его до самой доски.

Юрка от растерянности превратился в желе. Ему в голову даже не пришло сопротивляться, ни одного приема не вспомнил, пока Борька стирал его спиной надпись, елозя им туда-сюда, как тряпкой. И откуда столько силищи взялось? Видно, правду говорят, что ярость удесятерит

силы человека.

- Так, Шустов! Опять ты! Прекрати! Прекрати, я сказала! - Кошка бросилась разнимать Борьку и Юрку с бесстрашием самурая.

Борька опомнился только тогда, когда завуч мертвой хваткой вцепилась в его плечи. Из-за спины Людмилы Сергеевны выглядывала перепуганная насмерть Алена. Борька хотел было броситься к ней, но Кошка помешала. Встала на его пути Великой стеной.

- Не можешь ты, чтобы все нормально было, да? - Она сердито дунула скривленной губой: растрепавшаяся в битве челка взлетела вверх и снова упала на рассерженные глаза. Людмила Сергеевна забросила ее назад рукой. - В учебе подтянулся, так в поведении...

- Людмила Сергеевна!

- Помолчи, Серова! Я догадываюсь, что ты скажешь, - запальчиво бросила ей завуч, не оборачиваясь. - Хорошо, что я мимо проходила.

- Это вопрос спорный, - подал голос Максим Елкин.

Кошка предпочла пропустить это замечание мимо ушей.

- Так, у вас, кажется, сейчас литература, девятый «Б»? Не теряйте времени, готовьтесь к уроку, а вы, - она имела в виду Юрку и Борьку, - ступайте за мной и вещи не забудьте.

Вслед парням дружный мужской хор промычал скорбный мотив про то, что Ту-104 самый быстрый самолет. К этому печальному моменту девчонки тоже подтянулись в кабинет.

- Что случилось? - доносился шепот со всех сторон.

Но Борька никого и ничего не замечал, кроме побледневшего, растерянного лица Алены.

Через полчаса, когда урок литературы подходил к концу, Борька и Юрка вышли из учительской. Им устроили большую стирку, ни одному Андрею Малахову это по силам. Кошка, как и положено, спросила: «Кто зачинщик?» Не получив ответа, она отчитала их обоих, напомнив, что в природе существует золотое правило: сначала переговоры, потом - действия. Чуть позже, само собой, перешла к тем самым действиям - будто под копирку влепила каждому замечание в дневник: «Устроил драку перед уроком. Прошу родителей принять меры!»

Надо признаться, Борька не ожидал такого мягкого решения за свои «терки-разборки». Кошка в последнее время явно подобрела. Вне всякого сомнения, сказывалось благотворное влияние Андрея Ивановича Семенова, бывшего кадрового военного, а ныне преподавателя ОБЖ. Вся школа была в курсе, что у них роман.

- Пошли покурим? - предложил Юрка, едва за ними закрылась дверь учительской.

Борька молча пожал плечами. Злость его испарилась окончательно. После проработки у завуча друзей вновь сблизил общие неприятности, да и на урок, подходивший к концу, идти не имело никакого смысла. Они стали спускаться по лестнице и на площадке между этажами столкнулись с Марией Антоновной, молоденькой «француженкой».

- Вы почему не на уроке? - поинтересовалась она.

- Нас Кошкина к себе вызывала, - ответил Борька и посмотрел на нее кристально чистыми глазами.

- Опять что-нибудь натворили? - сочувствующе покачала головой учительница и пошла дальше, не дожидаясь ответа. Да и какой тут мог быть ответ?

Юрка проводил фигуристую «французенку» рассеянным взглядом, а потом обернулся к Борьке и произнес извиняющимся тоном:

- Ты это, забей на этот инцидент, лады? Сам не знаю, что на меня накатило.

- Да чего там, проехали, - проворчал Борька, вдруг вспомнив, что когда-то, в другой жизни, он и сам сочинял похабные шуточки на доске, наезжая на молоденьких неопытных учительниц, на ту же Марию Антоновну. Неужели он был таким идиотом? Просто не верится.

В туалете Борька полез за «Мальборо», протянул Юрке, после щелчком выбил себе сигарету из пачки, эффектно, как в гангстерских фильмах, втянул ее в рот губами и, внимательно посмотрев на друга, спросил:

- Слушай, а что это ты в последнее время такой замороченный? Школу пропускаешь, пропадаешь где-то?

- Да так, дома траблы кое-какие по ходу начались. - Юрка чиркнул колесиком зажигалки, ровное пламя опалила кончик сигареты. Вслед за ним прикурил и Борька. - А тут еще это замечание от Кошки. - Приятель убрал зажигалку в карман. Знаменитая у него была зажигалка - в виде позолоченного черепа. - Ты чего с этим «примите меры» делать будешь?

Борька затаился, выпустил дым под потолок. Задумался на какое-то время.

Кошкина велела, чтобы отцы расписались в дневниках. Сказала, что завтра же проверит. Борька сразу предупредил, что у него отец в Бельгии, вернется не раньше конца следующей недели, но на решение Людмилы Сергеевны это, естественно, не повлияло, она просто позволила завизировать замечание Борькиной маме. Приемлемых вариантов на этот раз было не так много. Выдрать листок нельзя. Дневник терять глупо, но и на неприятности нарываться не хочется. Они и так слишком часто без приглашения приходят. За примером далеко ходить не нужно.

- Распишусь за мать, - решил Борька. - Не впервой.

- Я тоже за отца нацарапаю: «Меры приняты», почерк его до закорючки изучил. Хорошо, до собрания далеко, сто раз забудется.

- Надеюсь. Юр, а что у тебя за заморочки? - Борька чувствовал, что должен расспросить приятеля, хотя не в его правилах было проявлять любопытство и лезть в душу человеку, когда тот явно этого не желает. - Может, я смогу помочь?

Юрка напрягся. На долю секунды на его лице промелькнуло сомнение, а потом он спрятался за маской безразличия и, глядя куда-то поверх Борькиной головы, с небрежной ленцой произнес:

- Да нет, не нужно, сам разберусь.

Звонок на перемену прервал разговор приятелей. Да, в общем-то, они обо всем поговорили.

Так, во всяком случае, решил Борька и ошибся. Но тогда ему так не казалось. Напротив, он был вполне доволен, что этот неприятный инцидент, как выразился его друг, исчерпан. Он пошел в класс, по дороге обдумывая две мысли. Первая: что бы такое сказать Алене по поводу этой стычки у доски, и второе: что он подарит ей на День святого Валентина, который не за горами. И второе его волновало намного больше, поскольку первое рано или поздно все равно выплывет наружу. Всем известно, что в школе слухи, сплетни и информация распространяются со скоростью лесного пожара в засушливое лето.

7

- А о чем это ты сегодня с Катькой шептался?

Лена была настроена узнать, что за тайны вдруг связали Борю и ее сестренку. Пока она помогала ба накрывать на стол (Боря почти всегда ужинал с ними, ба настаивала), ее друг времени зря не терял. Он о чем-то беседовал с Катькой. Но о чем? Как Лена потом ни старалась, как ни умасливала сестру, так ничего и не добилась. Катька, противная девчонка, только хихикала, и Лена видела, как в ее глазах прыгают чертики. Одним словом - заговор!

- Что за секреты от меня? - Лена настойчиво дернула Борю за рукав.

- Потерпи! Осталось ждать не так долго. Всего три дня.

Сердце Лены забилося в сладостном предчувствии. Три дня! Через три дня на календаре будет 14 февраля - день всех влюбленных. Теперь это и их день тоже. Они, как и миллионы влюбленных пар на планете, будут дарить друг другу подарки, обмениваться валентинками и конечно же целоваться. Они уже много раз целовались, и каждый раз в душе у Лены начинали порхать яркие бабочки, и с каждым следующим поцелуем их становилось все больше и больше. Это было радостное чувство, ранее неизведанное, и от этого немножко тревожное. И хотя они с Борей ни словом не обмолвились о любви, Лене казалось, что именно так и выглядит настоящая любовь. И может быть, скоро, совсем уже скоро, он произнесет эти три заветных слова... От этой волнующей мысли по телу Алены пробежала легкая дрожь. Боря склонился к ней.

- Замерзла?

- Есть немножко, - сказала она и зябко повела плечами. Оказалось, что она и в самом деле чуть-чуть замерзла за время вечерней прогулки.

- Немножко. Зима все-таки, а ты так легко нарядилась. Говорил же, надень теплую куртку, - заботливо укорил Боря, развернул ее к себе и стал энергично растирать ей плечи, а потом вдруг замер, вглядываясь в ее лицо. И столько нежности было в этом взгляде, что Лена не удержалась и, приподнявшись на мысочки, сама потянулась к нему губами.

И сразу закружились бабочки, запорхали пестрыми крылышками в солнечном свете. Холодный озноб исчез, наоборот, внутри стало так горячо, что захотелось распахнуть куртку и прижаться к Боре еще теснее, почувствовать, как рядом с ее бьется его, ставшее таким родным, сердце.

- И на бис для галерки! - вдруг услышала Лена слова, сопровождавшиеся жидкими хлопками. Губы в испуге расстались, но Боря не отпустил ее. Он, как привыкший к зрительским овациям актер, крепко обнял ее и развернулся вместе с ней навстречу аплодисментам.

Ситуация выглядела до смешного нелепо, и все же Лена испытывала неловкость и легкую

досаду. Подружка, можно сказать, застучала ее с поличным. Сколько раз Наташка спрашивала: «Когда же ты познакомишь меня со своим Борей?» А Лена все оттягивала этот момент по непонятной причине. И вот их свела случайность, впрочем, как известно, ничего случайного в жизни не бывает. Все в ней закономерно. Наталья тоже была не одна. Рядом с ней топтался рыжеволосый Эдик. Значит, они все еще вместе. Неплохая новость.

- Привет, подружка. Ты, я вижу, онемела от радости. - Наталья мельком взглянула на Лену и сосредоточила свое внимание на Боре. - Я Наташа. Мы с Леной живем в одном доме и дружим. А ты, надо полагать, Боря. Видишь, что ты с ней сделал, приходится самой представляться, - с игривой улыбкой сказала Наташка, с явным интересом разглядывая крепкую Борину фигуру, потом, вспомнив об Эдике, представила наконец-то его. - А это Эдик. Мы с ним тоже дружим, как вы с Леной.

Лене была хорошо известна эта напористая манера подружки. Но на этот раз она превзошла самое себя. Ей хватило несколько секунд, чтобы всех перезнакомить, всем все про всех объяснить и при этом не утратить ни грамма своей привлекательности.

Вскоре они уже свободно болтали, обсуждая возможность сходить куда-нибудь вчетвером.

А спустя три дня по коридорам и кабинетам школы гуляли валентинки и обещающие улыбки. Смех, шушуканье, вздохи сопровождались выстрелами глаз. И было заметно, что от этих точных выстрелов дрогнуло не одно сердце. Уроки превратились в длительные ожидания перемен. Преподаватели, с философской мудростью рассудив, что этот день нужно просто пережить, как переживают стихийное бедствие, на все смотрели сквозь пальцы.

- Это тебе от меня! - сказала Лена перед уроками, протягивая Боре фотоальбом.

Он много снимал, особенно когда отдыхал за границей, а фотографии вперемешку были разбросаны по пакетам.

«Это Италия. Это Греция. А вот и остров Пальма! Или нет, это, кажется, в Греции? Нет, точно на Канарах», - путался Боря, морщив лоб.

Вот Лена и подумала, что обязательно подарит ему альбом, чтобы фотографии не растерялись. Можно даже сделать специальные надписи - отдых там-то, в таком-то году или смешные подписи: «Боря покоряет Атлантический океан» - это там, где он на доске по волнам катается. Лену очень удивило, что мама Бори совершенно не следит за семейным архивом. Неужели ей не дорога память? Лена очень трепетно относилась к своим приятным воспоминаниям. Может быть, потому, что в ее жизни этих воспоминаний было не так много, как ей хотелось бы.

Боря поблагодарил за подарок, улыбнулся и полез в свою спортивную сумку.

- А это тебе от меня. - В его руках появилась огромная коробка карандашей 96 цветов. Лена никогда в жизни не видела ничего подобного.

Она ахнула.

- Откуда?.. - И все поняла.

Боря кивнул.

- Да. Ты ушла бабушке помогать с ужином, а я от нечего делать решил заглянуть к Катке в

комнату...

- Как это от нечего делать? Я же просила тебя мои карты по географии раскрасить...

- Вот именно, раскрасить. Это меня и подтолкнуло потом на мысль о подарке. Я пока саванну с тундрой разрисовывал, знаешь, как намучился? - В его голосе появились нотки недовольства, но они быстро исчезли, так ему хотелось все ей побыстрее объяснить. - Ну вот, стучусь, открываю дверь, а Катька твоя в куклы играет. Засмушалась сначала (Лена тоже в этом месте покраснела: впрочем, если разобраться, все девчонки играют в куклы, а мальчишки в войну, природой заложено, и стыдиться здесь нечего), а потом она стала показывать мне наряды и проговорила, что это ты их нарисовала. Вот так я и узнал твой секрет. Не сердись?

- Ты что?! - изумилась Лена. - Как ты мог так подумать, я наоборот рада.

- Вот и хорошо. - Борька расслабленно откинулся на спинку стула. - Ну а дальше, как говорится, дело техники. Я этим же вечером позвонил отцу в Бельгию, заказ на карандаши сделал. У нас здесь тридцать шесть цветов, и все, дальше оттенки цветов заканчиваются вместе с фантазией. Отец здорово удивился. А когда я объяснил, что это для моей девушки, сказал: «Без проблем». Еще он поинтересовался, хорошенькая ли ты. Я сказал, приедешь, сам увидишь. Он ведь эти карандаши со своим помощником передал, а сам в Испанию отправился.

«Значит, он хочет познакомить меня со своими родителями», - подумала Лена и про себя решила, что в этом в общем-то нет ничего особенного, что так и должно быть, когда парень встречается с девушкой, к тому же они учатся в одном классе. И все равно было боязно идти к Боре домой. Как-то к ней отнесется его мама?

Лене хотелось ей понравиться. Боря, видимо, в этом не сомневался. Он увлеченно продолжал говорить, и Лена укорила себя за то, что отвлеклась. Она прислушалась, не замечая, что ее рука любовно поглаживает его подарок.

- ...А знаешь, я был просто поражен, когда увидел твои рисунки. Наряды, силуэты женские, аксессуары всякие. У тебя талант.

- Ну, талант громко сказано, - засмушалась от похвалы Лена. - Ирка Дмитриева лучше рисует.

- Ирка не то совсем рисует, - горячо возразил Боря. - А как ты это придумываешь?

- Не знаю. Просто представляю себе, и все. - Лена улыбнулась, заглянула Боре в глаза и неожиданно для себя призналась: - Я хочу быть художником-модельером. После школы собираюсь в специальное училище поступать. Вот только не знаю, получится или нет.

- Получится, я в этом убежден на все сто! - В его глазах светилась уверенность и что-то еще, чему Лена никак не могла найти определение.

Она ждала, что сейчас, вот сейчас, он признается ей в любви, и она ответит без всякого ложного стеснения: «Я тоже тебя люблю!» - потому что это правда. Но Боря не произнес этих слов. Он смущенно отвел взгляд, словно догадался, чего она от него ждет.

«Он еще не готов к этому, еще прошло слишком мало времени, и это хорошо, что он не играет словами, как другие мальчишки. Это говорит о его серьезном отношении ко мне», - решила она тогда и ничуть не расстроилась.

И уже дома, открывая коробку карандашей, Лена наткнулась на белый конверт. В нем лежала

открытка. Ее валентинка. Это были стихи. И ей было неважно, сам Боря сочинил их или переписал из какого-то томика. Главное, что они были посвящены ей.

Мир особенно прекрасен,
Если занят добрыми делами.
Мир особенно прекрасен,
Если весел и приветлив с нами.
Мир особенно прекрасен,
Если полон нежной теплоты.
Мир особенно прекрасен,
Если в нем есть ТЫ!

Так вот она какая, первая любовь! Лена полночи перечитывала эти строчки, и ее сердце нет-нет да и сжималось от смутного предчувствия чего-то неотвратимого. Вместе с радостью она испытывала почти мистический страх и недоумение перед таким неожиданным благоволением судьбы. И в этом не было ничего удивительного, слишком часто ей приходилось сталкиваться с тем, что судьба одной рукой дает, а другой тут же отнимает...

8

Мадам Шустова заехала в супермаркет по дороге домой. Нужно было пополнить опустевший холодильник. Длинная породистая машина зарылась шинами в асфальт. Людмила Романовна выскочила из теплого салона, включила сигнализацию и устремилась в магазин. Она без разбора кидала в тележку замороженные полуфабрикаты, нарезки, банки: печень трески, мидии, осетр – его любит муж, креветки – две килограммовые пачки: их любит Боря. В другом отделе Людмила Романовна приобрела пакеты натурального сока, пластиковые бутылки с минеральной водой, кофе, коробку плиточного шоколада и еще массу полезных продуктов. У кассы, доставая кошелек, она столкнулась с Людмилой Сергеевной Кошкиной.

- О! Какая неожиданная встреча, Людмила Сергеевна, – заулыбалась Людмила Романовна.

- Да, мир тесен, – сдержанно ответила тезка. В отличие от мадам Шустовой, ее пластмассовая корзинка была почти пустой. Молоко, французский батон, мандарины.

Состоялся привычный обмен любезностями.

- Как вы поживаете?

- Спасибо, замечательно. А вы?

- Тоже все прекрасно. Как у моего Бори дела, Людмила Сергеевна? – Этот вопрос по привычке вырвался у Людмилы Романовны.

- Боря, что ж, – задумчиво отозвалась Кошкина, – по предметам он заметно подтянулся. – Мадам Шустова заулыбалась, но, видно, рано она обрадовалась успехам сына. – Зато дисциплина стала сильно хромать. Да вы же видели последнее замечание в дневнике насчет драки? – полувопросительно-полуутвердительно сказала завуч.

Признаться, что ничего похожего на глаза Людмиле Романовне не попадалось, значило оказаться в неловком положении самой – это раз и подставить собственного сына – это два. И то и другое исключалось, и Людмила Романовна выбрала третий вариант.

- Да, кажется, - неопределенно ответила она, не слишком расстроившись по этому поводу: у Бори был взрывной темперамент, в нее, но он быстро отходил. И Людмила Романовна не видела ничего особенного в том, что мальчик с таким сильным и независимым характером утверждает свое первенство, пусть и при помощи силы. Но раз уж ей подвернулся такой замечательный случай, почему бы и не воспользоваться им, чтобы во всем разобраться. - Может быть, мы где-нибудь посидим полчаса? Выпьем по чашечке кофе, поговорим, - предложила Людмила Романовна, оглядев зал.

Завуч согласилась.

На втором этаже располагалось небольшое кафе, там они и расположились со своими сумками.

- Меня что насторожило, - продолжила Людмила Сергеевна, когда им принесли кофе и пирожные. Женщины решили себя побаловать и на короткое время забыть о диетах. - Боря затеял драку не с кем-нибудь, а с лучшим другом.

- С Юрой? - изумилась мадам Шустова. Изумление ей шло - она сразу молодедела, хотя и так прекрасно выглядела для своих сорока. Прическа волосок к волоску, макияж, шуба из серебристой лисы, небрежно брошенная на спинку свободного стула. Одежда ведь красит человека, что бы там ни утверждали классики.

- Вот именно, с Юрой, - подтвердила завуч. - Я еще могу понять, когда он косо смотрит на Максима Елкина. Им сейчас нравится одна девочка - Лена Серова, а первое серьезное чувство в этом возрасте всегда воспринимается как великая любовь, за которую нужно сражаться всеми доступными и недоступными средствами.

Лена Серова! Чашка в руке мадам Шустовой дрогнула, и она поспешила поставить ее на стол. Боря устраивает в классе драки из-за этой девочки? Что же это за девочка, если из-за нее дерется тихий отличник, лучший Борин друг Юра? И еще ничего толком не зная, Людмила Романовна решила для себя - вертихвостка какая-то.

- Людмила Сергеевна, я как раз хотела об этом поговорить. - Она со значением посмотрела на завуча. - Кажется, мой Боря с этой Леной Серовой встречается. И у них это, кажется, достаточно серьезно. Вы понимаете, что я как мать переживаю. Мне бы хотелось лучше узнать эту девочку. Что она из себя представляет? Чем живет?

- Тогда вам нужно пригласить ее к себе домой, познакомиться с ней поближе и составить собственное мнение, - прямолинейно предложила Кошкина.

- Да, да, - поспешила согласиться с ней Людмила Романовна. - Я так и сделаю в ближайшие же дни. Жду, когда Илья Борисович из поездки вернется. - Она растянула губы в улыбке. - Но все же мне бы хотелось услышать ваше мнение как педагога. Она ведь у вас на виду, вы лучше разбираетесь в детской психологии, у вас такой огромный опыт общения с учениками. - Мадам Шустовой и самой стало тошно от того, как она залилась соловьем, лишь бы узнать то, что ее интересует.

- «И опыт, сын ошибок трудных...» - произнесла Людмила Сергеевна, задумчиво глядя в окно, и, обернувшись к собеседнице, сказала: - В последнее время я все чаще ловлю себя на мысли, что, если бы мне представилась возможность начать все сначала, я во многом бы поступила иначе. А Лена? - Людмила Сергеевна сделала небольшой глоток остывшего кофе. - Как вам сказать, она девочка сложная.

- Скажите честно: вы одобряете эту дружбу? - вырвалось у Людмилы Романовны.

Завуч помолчала, потом, как-то неопределенно передернув плечом, произнесла:

- Не думаю, что эта дружба таит какую-то опасность для Бори, но... Я буду с вами откровенна, Людмила Романовна. Вашему Боре всегда нравились, как бы это сказать, - завучу понадобилась доля секунды, чтобы подобрать нужное слово, - зрелые девочки. Лена в силу жизненных обстоятельств повзрослела раньше сверстниц. А в прошлом году, если вы помните, Боря был увлечен Светой Красовской, а ей пришлось уйти из нашей школы по известной вам причине.

Действительно, в прошлом году в школе произошло ЧП. Завуч застучала в аптеке Свету, покупавшую тест на беременность, и хотела даже устроить всем старшеклассницам проверку у гинеколога. Но вовремя одумалась и ограничилась лекторской беседой на тему о раннем сексе и его вреде. Мадам Шустова тогда состояла в родительском комитете, поэтому была посвящена в некоторые подробности. И завуч, к сожалению, не погрешила против истины - Боре эта «зрелая» Света нравилась.

- И что же? Эта Лена Серова такая же продвинутая девочка? - с замиранием в сердце уточнила она.

Кошкина усмехнулась.

- Все дело в том, Людмила Романовна, что в этом возрасте их всех, и мальчиков, и девочек, эти вопросы волнуют. Помню, в прошлом году на своем уроке я отобрала у Лены книжку «Сто вопросов и ответов про ЭТО». Сначала, естественно, пришла в негодование - восьмой класс и чем интересуется, а позже, когда сама это пособие изучила, пересмотрела свою точку зрения. Думаю, что мы в следующем году в виде эксперимента введем у старшеклассников предмет «Этика сексуальных отношений».

- Вот как?

- Представьте себе, - живо отозвалась завуч. - Поколение иное - иных подходов в воспитании требует. Телевидение, журналы, видео - кругом только и спорят, порнография это или эротика, любовь или секс. - Людмила Сергеевна передернула плечами. - Да что я вам рассказываю, сами все лучше меня знаете, у вас ведь сын-подросток. А мы в школе все мечемся между старой установкой, что секса, мол, у нас нет, и современной вседозволенностью, и при этом усиленно делаем вид, что этой нравственной проблемы вроде как и не существует.

- Да, вы правы, Людмила Сергеевна, - страстно поддержала мадам Шустова, но все же сейчас ее больше волновали вопросы личного характера. - А что у этой Лены за семья? Как она учится?

- Учится средне, - ответила завуч, - в меру своих способностей. Ей ведь приходится рассчитывать на собственные силы. Помощи ждать неоткуда.

- Что это значит?

- Она живет с бабушкой и младшей сестрой.

- Родители за границей? - оживилась Людмила Романовна, поскольку смутно помнила, что девочка модненько одевается. И услышала:

- Родители, к несчастью, у нее умерли. Отец попал под машину. А когда Лене было лет десять, пропала мать.

Мадам Шустова непонимающе захлопала ресницами.

- Как пропала?

- Подробности мне не известны, - откликнулась Кошкина. - Могу сказать только одно: это один из тех случаев, когда вышел человек из дома и исчез. - Людмила Сергеевна внимательно посмотрела на Людмилу Романовну и, не пытаясь скрыть свою обеспокоенность, произнесла: - Я бы не стала вам этого рассказывать, но Лена очень ранимая девочка. Характер у нее сложный, - повторилась завуч. - Она закрыта для общения. И вроде бы она разговаривает с одноклассниками, участвует во всех мероприятиях, но все равно заметно, что внутренне она отгорожена от всего мира. Впечатление такое, словно она сама установила барьер на пути к своей душе. Вот почему я очень удивилась, когда вашему Боре удалось найти к ней нужный подход. Лена просто расцвела за этот месяц. И если вдруг между ними что-то произойдет не так, я боюсь, что она опять замкнется в себе. Теперь уже навсегда.

Вскоре женщины расстались.

После того, что Людмила Романовна услышала от завуча, она укрепились в мысли, что эта Лена, из-за которой ведутся кулачные бои и которая читает специфическую литературу, не пара ее Боре. Ему нужна девочка его круга, у него тоже сложный характер, а два сложных характера - это уже явный перебор.

И так как мадам Шустова была женщиной энергичной, умеющей доводить дело до логического конца, она отправилась ни куда-нибудь, а к дому Лены Серовой. (Адрес Кошкина помнила наизусть, к тому же оказалось, что Лена не так уж далеко живет, всего лишь в двух кварталах от школы.) Людмила Романовна хотела взглянуть на обстановку, бабушку и попросить Лену, конечно, как можно мягче, во время душевной беседы, чтобы она оставила Борю в покое, пока эта дружба не окрепла и не расцвела пышным цветом. Людмила Романовна считала, что ничего предосудительного не совершает, поскольку, как всегда, руководствовалась собственным постулатом - материнское сердце лучше знает.

Подходя к Лениному дому, Людмила Романовна вполне себя контролировала. Она приготовила любезную улыбку и нужную фразу, надавив на кнопку звонка, но ей никто не открыл. В квартире никого не было.

Мадам Шустовой ничего не оставалось, как спуститься вниз. В руках у нее был пакет. В нем лежали баночка растворимого бразильского кофе, коробка конфет, несколько упаковок деликатесов, баночка красной икры. В конце концов, девочки живут без родителей, и Людмила Романовна им не враг.

Во дворе в снежном сугробе, запакованный в пестрый комбинезон, копался малыш с лопаткой в руках. Пожилая женщина приглядывала за ним, притопывая ногами в теплых сапогах с меховой опушкой. Почему Людмилу Романовну к ней понесло, одному Богу известно.

- Здравствуйте, - сказала она.

Женщина покосилась в ее сторону и ответила:

- Здравсьте.

- Вы не знаете, где могут быть Серовы? Я только что поднималась к ним, у них никого нет дома.

Бабулька оглядела Людмилу Романовну более пристально, особенно оценила ее шубу до пят.

- А вы кто ж им будете?

- Я... - Людмила Романовна растерялась. - Я... работник отдела социального обеспечения, - нашлась она. - Вот зашла посмотреть, как девочкам живется.

- А чего? Хорошо им живется. Одеты, обуты, не голодают, - охотно откликнулась старушка. - Ксения Матвеевна, бабушка ихняя, во всех смыслах женщина положительная. На пенсии, а работает, убирается у одного нового русского в его офисе, чтобы девчонок побаловать гостинцами к празднику.

- Это хорошо, конечно...

- А это пакет для них, что ли? - любопытствовала бабуля.

- Да, только вот не знаю, как передать.

- Чего ж, оставьте мне. Я передам, соседи все же. Хорошо их знаю, мы почитай десять лет бок о бок живем.

Людмила Романовна с удовольствием избавилась от пакета, подумав, что ей сегодня везет на информацию.

- А что родители девочек...

- Родителей у них нету. Отец, во всех смыслах человек положительный, - видимо, бабуля любила это выражение и применяла его везде, где только было можно, - жаль человека, под машину попал. А вот мать девочек - шалава, пропала без вести.

- Как шалава? - побледнела Людмила Романовна, сжимая руки в лайковых перчатках на теплой подкладке из овечьей шерсти. Ведь чувствовало ее сердце, что что-то здесь не так!

- Шалава и есть. Спилась после смерти Сергея, погуляла на наших глазах: то один кавалер угощает, то другой, - объясняла словоохотливая соседка, а попросту сказать сплетница. - И хорошо, что пропала, а то бы и девочек к этому делу приучила. Ленка-то красавица выросла, ей уже пятнадцать стукнуло, на нее парни засматриваться стали. А недавно появился тут один, каждый день как на работу к ней ходит. Одет прилично, сразу видно, из обеспеченных. То цветочки ей подарит, то на такси прокатит...

При этих словах лицо Людмилы Романовны превратилось в холодную застывшую маску, но в душе полыхал огонь, напоминающий жерло вулкана, готового каждую минуту выбросить на поверхность тонны раскаленной лавы. Домой она вернулась с единственным желанием спасти сына от этого пагубного влечения, чего бы ей это ни стоило! И замкнется Лена в себе или нет - это не ее проблема. В конце концов, она не благотворительное общество. У нее своих забот полон рот!

9

Открывая дверь собственной квартиры, Боря не подозревал, какая гроза вот-вот разразится над его головой. Он проводил Алену после кафе, поцеловал ее на прощанье, вообще-то не один раз. Они долго не могли расстаться, пока наконец он не приказал себе ее отпустить, потому

что она все модничает и ходит в тоненьких сапожках, а на улице, между прочим, минус пятнадцать. Они, конечно, могли бы пойти к Алене домой и посидеть у нее, как это часто бывало в последнее время, но Ксения Матвеевна вот уже второй день неважно себя чувствовала, и Боря решил не надоедать. Она же сразу вскочит, начнет их кормить, суетиться. Она такая гостеприимная, как раньше говорили, хлебосольная. Его ба такая же: пока не накормит до отвала, не отстанет. Только она далеко, а Аленина ба рядом.

Борька снял ботинки в прихожей, повесил куртку и, подойдя к зеркалу, чтобы причесаться, а заодно убедиться, что прыщи с его лица исчезли раз и навсегда, увидел за спиной отражение матери.

- Ты чего свой сериал не смотришь?

Стрелки часов приближались к одиннадцати. В это время для матери не существовало ничего, кроме «Клана Сопрано».

- Боря, ты стал приходить домой очень поздно, - отозвалась мать, проигнорировав напоминание о сериале.

- Ну и что? - пожал он плечами и криво ухмыльнулся: - Раньше тебя это не волновало.

- Раньше я знала, что ты с друзьями. А сейчас. - Мать переплела руки на груди. - Ты был у нее?

- У кого это у нее? - Борька пошел в свою комнату, мать увязалась за ним.

- Вылитый отец, - выговаривала она ему в спину, ограничиваясь прозрачными намеками, - яблочко от яблоньки. - Борька продолжал ухмыляться, но то, что он услышал, согнало с его губ беззаботную ухмылку. - Ты был у этой Лены?!

- Во-первых, не у этой, а у Лены. - Борьку покорило пренебрежительное «этой». Он развернулся к матери, не глядя, бросил снятый свитер на спинку стула. - А во-вторых, откуда ты о Лене знаешь?

- Какая разница, - отмахнулась она. - Я сегодня встретила Кошкину. Она рассказала мне о твоей драке с Юрой. И о многом другом, - со значением добавила мать. - В общем, я запрещаю тебе с ней встречаться!

- Не смей меня, ма.

- Не знаю, как тебе, а мне не до смеха. У той девочки может быть дурная наследственность! Ты хоть в курсе, что у нее мать была алкоголичкой и... шлюхой.

- Что-что? Откуда ты набралась этого бреда? - спросил он по инерции, ошарашенный хлесткими, как пощечины, словами.

- Как бы не так! - безжалостно отрезала мать. - Ее мамаша за бутылкой побежала в тот день, когда пропала без вести, понятно тебе?! И после горячо любимого супруга у нее было немало мужчин-приятелей. Обманула тебя твоя Леночка, всей правды не рассказала. Таким не похвастаешься. А ты уши лопухами развесил - цветочки, такси. Что у тебя с ней было, дурачок?

- В каком смысле? - произнес Борька непослушными губами.

В голове мысли наскакивали друг на друга, как вагоны сошедшего с рельс поезда. Мать Лены...

Не может быть! Что же его Алене пришлось пережить... Он вдруг почувствовал, как каменеют его мышцы. Как грудь словно стягивают стальные обручи. Стало трудно дышать. Боря глубоко вздохнул раз, другой, более-менее привел дыхание в порядок и посмотрел на мать горящим взглядом. Оказывается, и она умеет быть грубой, жестокой и безжалостной и пользоваться запрещенными приемами. Сейчас он видел перед собой не женщину, которая его родила, которая тряслась над ним по поводу и без повода, а угрозу своей хрупкой любви, и он был готов сражаться за нее не на жизнь, а насмерть. Борька стиснул зубы, мать этого не заметила.

- «В каком смысле»? - передразнила она, презрительно скривив губы. - В том самом. Мы сегодня с Кошкиной на эту тему много и подробно беседовали. У вас сейчас все быстро, у молодежи, раз-два - и готово! А о последствиях вы не думаете. Для вас СПИД, половые инфекции, беременность - это все так, из области виртуальной реальности...

- Что ты несешь? - взорвался Борька. - Тоже мне, санитар леса! Ты же ничего не знаешь о нас... Ты же не знаешь, какая она!..

- И знать не хочу! - Мать перешла на крик. - Мне до нее дела нет! Я о тебе беспокоюсь! Ты у меня один!

- Мне твое беспокойство - вот где! - Борька провел ладонью по горлу, схватил со стула свитер и натянул через голову. Глаза его горели. - Что ты знаешь о любви, чтобы рассуждать? Ты отца-то любила, когда замуж за него выходила? Мне иногда кажется, что ты меня, как Дева Мария, с помощью Святого Духа зачала и папочка мой совсем тут ни при чем!

- Что-о? - Глаза матери стали размером с блюдце, настолько она была шокирована Борькиным выпадом, но он уже не мог остановиться.

- А что я такого сказал? Всего лишь правду, которую в себе долго держал. И чего ты в медицинский не пошла? Ты же на стерильности помешана. Только чистота, она разная бывает!

- Кто дал тебе право так со мной разговаривать?! - опомнилась наконец мать.

- Никто не давал, сам взял! Ты же копаешься в моей жизни! А это моя жизнь! Моя! Я уж сам решу, как ее прожить!

Борька шагнул вперед, сжав кулаки. Он тоже почти кричал, потеряв над собой контроль. Мать отшатнулась от него, но он прошел мимо, в коридор. Сорвав куртку с вешалки, стал одеваться.

- Ты куда?

Он, ни слова не говоря, рванул дверь.

- Боря! Вернись! Если ты уйдешь, я на себя руки наложу, так и знай! - пригрозила мать, но Боря захлопнул дверь, оставив ее угрозу без внимания.

Никогда она этого не сделает! Пустые слова! Она всякий раз так говорит, когда они начинают выяснять отношения на повышенных тонах, но то, что случилось сегодня, нельзя было назвать пустяком, который легко забудется. У них и раньше были не слишком близкие отношения в семье, а теперь, похоже, они окончательно испортились.

Борька поднял воротник, морщась от ветра и горечи в душе, побрел по слабо освещенному проспекту. Он не отдавал себе отчета, куда идет. Кошмарная сцена, разыгравшаяся только что дома, вновь и вновь живо вставала перед глазами, будто киноплёнка, которую кто-то без конца

крутит в проекторе. И пока мысли кружились вокруг одного и того же, ноги сами собой должны были принести его к Юрке. Однако спустя какое-то время он заметил, что стоит перед домом Кольки Ежова и смотрит на его светящееся окно. Борька передернул плечами, почувствовав, что начинает мерзнуть. Нужно было где-то ночевать. Не на вокзале же. Он вошел в подъезд, поднялся по ступенькам и, немного помедлив, позвонил в дверь.

Колька удивился:

- Ты чего? Случилось что?
- Да так. - Борька резко вскинул голову. - Слушай, можно мне у тебя сегодня переночевать?
- С родителями поцапался? - догадался Колька, пропуская в квартиру.
- С матерью.
- Раздевайся. Переночевать не проблема, только у меня раскладушка.
- Годится, - согласился Борька.

Большого ему и не нужно было. Ему казалось, что только его голова коснется подушки, он сразу же вырубится. Так он устал.

- Кто там, Коля?
- Мам, это Боря Шустов. Он приземлится у нас на ночь.

Колька сказал ему:

- Проходи в комнату, - и пошел шептаться с матерью.

Через минуту мать Кольки, хрупкая женщина в застиранном, но чистом халатике, принесла комплект хрустящего постельного белья, пахнущего свежестью, а Колька достал из кладовки раскладушку.

- Боря, ты можешь оставаться у нас, сколько понадобится... - Мать Кольки запнулась и подняла на Бору полные грусти глаза. - Но мне кажется, что тебе нужно позвонить маме, чтобы она не волновалась.

- Хорошо, я позвоню.

Борька набрал номер, смутно осознавая, что делает это не ради собственной матери, а ради этой доброй женщины. Так велика была его обида и чувство негодования. Мать подняла трубку сразу, будто сидела у телефона.

- Боря, ты где? - требовательно спросила она.

- Я у товарища. Завтра появлюсь, - сказал он и положил трубку, не дожидаясь вопросов и не желая больше разговаривать.

Ему хотелось позвонить Алене, услышать ее голос, сказать ей... Что сказать? Он и сам этого не знал. Он знал только одно: он никогда не даст понять, ни единым словом, ни единым взглядом, что ему известна ее тайна. Если она захочет поделиться с ним этими мучительными воспоминаниями, она сама это сделает. И сама выберет для этого нужный момент, если же

нет, ему остается только смириться с ее решением. Внезапно он понял, что должен сказать Алене, что любит ее. Почему он раньше боялся этих слов? Это так просто – произнести вслух то, что ты чувствуешь. Борька уже потянулся к мобиле, но тут его взгляд упал на часы: нет, звонить поздно, через двадцать минут настанет новый день. Суббота. И потом глупо доверять сокровенные слова бездушному аппарату. Он хочет видеть выражение чудных голубых глаз, когда скажет: «Я тебя люблю» – и прочитать в них ответ.

10

Лена с Наташкой и Боря сидели в маленьком уютном кафе на Елисейских полях. Почему именно в Париже и почему именно на Елисейских полях, Лена не знала, поскольку ни разу не была в городе любви, но ее не покидала уверенность, что это именно Париж, а не город туманов Лондон и не деловой Нью-Йорк.

– Ну, девчонки, держитесь за воздух, – сообщил Боря, сверкая от возбуждения глазами. – Я приготовил вам подарки к Восьмому марта.

– Так до Восьмого марта еще далеко, – сказала Лена, несказанно удивленная, что они сидят в кафе, что Боря дарит им подарки, им обеим. Она смутно понимала, что это происходит не наяву, и все равно ей было неприятно, что это какой-то неправильный сон.

– Ну что ты прицепилась ко времени. Время относительно, а вот подарки – это реальность, – возразила ей Наташа и, увидев, что Боря полез в сумку, захлопала в ладоши. – Подарки я люблю!

Лена молчала. Боря достал коробку карандашей и зеленые лайковые перчатки. Лена заулыбалась, забыв о своих сомнениях, и потянулась к знакомой коробке, но Боря протянул ей перчатки, а ее карандаши отдал Наташе.

– Я так долго их выбирал, – сказал он Лене.

«Но я не хочу! – молча закричала Лена, пока подруга с интересом и недоумением вертела в руках коробку с карандашами. – Я не хочу эти перчатки! Зачем они мне? У меня есть теплые варежки, которые связала Ира, они совсем новые. Отдай мне мои карандаши! А Наташка пусть забирает эти перчатки, они как раз под ее новое зеленое пальто».

Лена почувствовала, что вот-вот заплачет. Она отодвинула подарок от себя, хоть и видела, как нахмурился Боря. И вдруг рядом с ней появилась мама. Она возникла как будто из воздуха, и лицо у нее было молодое и красивое, а вот одежда, наоборот, поношенная. На руках перчатки обрезанные, без пальцев, а сами пальцы какие-то бегающие, беспокойные. Они все хватались за пуговицы на засаленном пальто, том самом, в котором мама ушла из дома.

– Ох! Какие красивые перчатки. В жизни никогда таких не видела. – Она не отводила взгляда от возжеленного предмета. – Зеленые! Зеленый – цвет надежды. Зачем ты их бросила, дочка? Ты обижаешь Борю. Он же хотел, чтобы ты была красивая и нарядная для него. Ты неправильно поступаешь, ох как неправильно!..

Лена открыла глаза. Ее сон оборвался на этом полустоне-полувздохе, сердце стучало глухо и часто. Некоторое время она лежала, потерявшись во времени и пространстве, припоминая обрывки тревожного и совершенно необъяснимого сна. Она так давно не видела маму во сне, что стала забывать ее черты. А потом эти неясные ощущения прошли, образ мамы размылся, и

она различила самое настоящее тихое оханье. Оно доносилось из комнаты бабушки. Лена спрыгнула с кровати, нащупала ногами тапки и поспешила к ней.

Ба лежала на кровати, на боку, поджав под себя ноги. Поза показалась Лене странной и неудобной, но тут она увидела, как ба потирает свой живот, пытаясь утихомирить разыгравшуюся боль. Лена еще вчера сказала, что больше не станет ее слушать, в понедельник не пойдет на первый урок, а если понадобится, то и школу пропустит, но обязательно ответит ее в поликлинику.

- Опять желудок, ба?

- Чего кричишь? - недовольно проворчала ба. - Катьку разбудишь.

Голос ба показался Лене слабым, и она еще больше встревожилась, чувствуя, как внутренний холод подкрадывается к ее сердцу. Дотянула!

- Ба, давай вызовем «Скорую». Ну что ты так боишься врачей?

- Не нужно никакую «Скорую». Ишь, моду взяла, чуть что - «Скорую». Незачем людей зря беспокоить. - Ба осторожно вздохнула, прислушиваясь к себе. - Сейчас отпустит. Я уже таблетку выпила.

- Какую таблетку! - в отчаянии проговорила Лена. - Ты же только травишь себя этими таблетками.

- Я зеленую выпила.

- Темпалгин, - напомнила Лена.

- Ее. Она мне помогает. Ты иди чай погрей, умойся, а я немного полежу и встану.

- Как встану?! У тебя же болит! Ты охала!

- Старая, вот и охала.

- Кто старая? Ты, ба, у нас самая молодая! - Катька вошла в пижаме, непричесанная и заспанная. И она улыбалась до тех пор, пока не увидела ба. - Ба, ты заболела?

- Еще чего выдумала! Идите занимайтесь своими делами. Я полежу немного, может, еще подремлю полчасика. - Ба слабо улыбнулась, и Лена почувствовала, как когтистая рука, сжимающая ее сердце, немного, совсем чуть-чуть ослабила хватку.

Ба прикрыла глаза. Черты ее лица расслабились.

- Идите уж, не стойте над душой, - попросила она спокойно и поменяла положение, хотя рука осталась на прежнем месте, в районе солнечного сплетения.

«Кажется, отпустило или таблетка начала действовать», - подумала Лена, обняла Катьку за плечи и потихоньку вышла с ней из комнаты. Шестое чувство настойчиво подсказывало ей, что это не спасение, всего лишь короткая передышка, но Лена с благодарностью ухватилась и за нее.

Потом она занималась завтраком, а Катя прибиралась в комнатах. Готовка всегда отвлекала Лену от грустных мыслей. Когда она была очень расстроена, она пекла песочный пирог со

смородиновым вареньем. Сколько этих пирогов она перепекла с тех пор, как исчезла мама. И она ей сегодня приснилась. По спине Лены побежали сотни муравьев-мурашек. Похоже, что сон этот вещий, несмотря на то что приснился он ей не с четверга на пятницу. Лена всегда верила в судьбу, во всевышнюю силу, вершащую людские судьбы, и в то, что душа человека бессмертна. Вот и сейчас она вспоминала зеленые перчатки, мамины слова, что зеленый цвет – это цвет надежды, и думала: «Что она хотела ей этим сказать? От чего предостеречь? Или, может быть, уберечь?»

Время от времени Лена заглядывала в комнату к бабушке, прислушивалась к ее ровному дыханию и снова прикрывала дверь. Вскоре она решила, что все, возможно, и обойдется, что у страха, по пословице, глаза велики.

Она приготовила сырники, поджарила омлет, поколебавшись несколько секунд, открыла прозрачную упаковку с нарезкой шейки (какая-то добрая душа из соцзащиты вспомнила о них) и поймала себя на том, что едва слышно напевает.

И все же осторожность удерживала Лену возле ба. Поэтому после завтрака, от которого ба отказалась, сказав, что поест попозже, Лена позвонила Боре. Сначала на сотку. Тишина. Видно, отключен. Лена набрала домашний номер.

- Да, - услышала она голос Бориной мамы.

- Здравствуйте, Людмила Романовна. Это Лена, одноклассница Бори, - как можно приветливее поздоровалась Лена и почувствовала, что чистый звонкий голос ей изменил. Она никак не ожидала, что трубку поднимет Борина мама. До этого он всегда сам отвечал на звонки, впрочем, чаще она звонила ему на мобильник. На том конце провода повисло молчание, но Лена была настолько обеспокоена состоянием ба, что не придавала значения затянувшейся паузе. - Можно мне с Борей поговорить? - торопливо попросила она.

- Его нет дома.

- Да? - растерялась Лена. На часах было полдвенадцатого. - А вы не могли бы ему передать... Дело в том, что мы сегодня собирались с ним на каток. Но у меня, к сожалению, не получится с ним там встретиться. Вам не трудно будет ему передать, чтобы он мне сам перезвонил, как только сможет.

- Постараюсь выполнить твою просьбу, Лена, - последовал прохладный вежливый ответ.

Впрочем, Лена ни на что другое и не рассчитывала. Мама Бори напоминала ей Снежную королеву из сказки Андерсена. Лена любила сказки именно этого писателя. Особенно ей нравилась сказка «Калоши счастья». Может, кто-то и сочтет этот выбор странным, когда существуют «Стойкий оловянный солдатик», «Огниво», «Русалочка», «Гадкий утенок», но не Лена. Она часто путешествовала в мечтах, переносясь во времени, и к счастью у нее было особое отношение. Где-то она услышала и запомнила, что счастье – это единственное, что удваивается, если им поделиться.

Лена поблагодарила Борину маму и положила трубку.

Спустя три часа она и притихшая Катя сидели в машине «скорой помощи», которая везла ба в больницу.

Боря с некоторой настороженностью переступил порог собственной квартиры. Раздражение на мать поутихло, но окончательно не прошло. И как не хотелось ему сюда возвращаться, да никуда не денешься – здесь его дом, его вещи, его мир, по крайней мере, до тех пор, пока он не станет совершеннолетним и не сможет сам о себе позаботиться. Вчера он, конечно, в запале бросил, что это его жизнь и что в нее нечего лезть, а сегодня вот ткнулся, а телефон-то молчит – карточка накрылась медным тазом, на счету, как сообщили в Билайне, «минус один цент». Вот тебе и решение всех проблем. Хочешь не хочешь, а придется возвращаться.

Боря позавтракал у Коли домашними блинами с вареньем, поблагодарил за гостеприимство и ушел.

Мать была не одна. По воскресеньям в двенадцать часов к ней на дом приходили делать маникюр. Сегодняшний день, несмотря на вчерашние коллизии, когда мать кричала, что наложит на себя руки, не стал исключением. Перышки чистит! От этой мысли Борьке стало тошно.

- Боря, это ты? – как ни в чем не бывало спросила мать, заметив его в дверях гостиной.

Разговаривать с ней не хотелось. Он пошел к себе, бросив безликое: «Здрате».

Несколько минут спустя Людмила Романовна сказала маникюрше: «Спасибо, Софушка», расплатилась с ней десятидолларовой бумажкой и отпустила восвояси. Вчера поразмыслив на досуге, она решила, что неверно принялась за дело. С Борей нужно быть мягче, тактичнее. Он не терпит диктата. А она, ослепленная материнской любовью, выплеснула на него ушат грязи. Конечно, самолюбие мальчика было оскорблено.

- Боряша, а ты у кого ночевал? – попробовала Людмила Романовна новую тактику, все еще надеясь на примирение. Молчание в ответ. Раздевается. Снимает рубашку, брюки. – Я вчера позвонила Юре. Он сказал, что ты у него не появлялся. У кого же ты провел ночь? – Опять липкая тишина. Боря пошел в ванную, словно ее, матери, и нет здесь, словно и не с ним она говорит. – Папа звонил. Он послезавтра вечером прилетает.

Дверь в ванную захлопнулась. Раздался шум воды.

«Ах так! Война?! С родной-то матерью!» – разгорячилась Людмила Романовна, оскорбленная до глубины души. Вчерашняя обида всколыхнулась в груди с прежней силой, дав импульс новому витку противостояния. Она хотела рассказать сыну о звонке этой Лены, видит Бог, хотела, но раз он настроен играть с ней в молчанку, пусть сам разбирается со своей жизнью. Кажется, он так вчера изволил сказать! Вот и замечательно! «А ла гер, ком а ла гер!» – как говорят французы, что в переводе означает: на войне как на войне!

Боря стоял у входа на каток и с нетерпением поглядывал на часы. Алена опаздывала. Одет он был как обычно – в джинсы, куртку, коньков при нем не было. Собираясь на свидание, Боря решил, что уговорит Лену сходить в кино или еще куда-нибудь. Катание под веселую музыку по сверкающему льду требовало соответствующего настроения. А его, извините, не было. Но, похоже, что у Алены тоже изменились планы. Вот уже полчаса он мерзнет, а ее все нет.

Хорошо, что отец завтра возвращается, внезапно вспомнил Боря, поплотнее затягивая шарф вокруг шеи. Наличных у него осталось раз-два, и обчелся. Сегодня последнее по карманам выскреб. Набралось около тысячи, деревянных, из них триста двадцать ушли на карточку. Он уже, наверное, половину прозвонил, а результат ноль целых ноль десятых. Трубку у Алены никто не берет. Куда они все разбежались?

Нет, наверное, что-то случилось. А если так, то почему она не связалась с ним? Он же ей не чужой? Что могло произойти? – начал волноваться Боря, нажимая на кнопки миниатюрного телефона. Опять длинные гудки. Оглядевшись в последний раз по сторонам, он решил, что ждать бесполезно, и отправился к Алене домой, надеясь на месте разобраться, что к чему.

Разобрался и очень расстроился. Мария Семеновна, подруга Лениной ба, сказала, что Ксению Матвеевну увезли на «Скорой» примерно с час назад. Лена и Катя поехали с ней.

– А куда? Вы, случайно, не знаете?

– Куда ж, наверное, в районную больницу, – резонно рассудила Семеновна и добавила, скорбно поджав губы: – Волнуюсь я. Ну даст бог, все обойдется.

Боря приехал в больницу и прошел сразу в приемный покой. Туда стекались сведения обо всех поступающих. Он не задумывался, как отнесутся Алена и Ксения Матвеевна к его неожиданному появлению, просто чувствовал, что должен делать то, что делает. Вскоре ему удалось выяснить, что Аленину ба поместили в гастронологическое отделение, и он поспешил туда.

12

Лена устроила ба у окна. Та любила свежий воздух. Из трех женщин, лежавших в пятиместной палате, ба была самая тяжелая больная. Ей сделали обезболивающий укол, какой-то сильнодействующий, и она задремала.

Притихшая, с покрасневшими глазами Катя осталась сидеть возле ба, а Лена вышла в коридор. Больница жила своей жизнью, по своим законам. Медсестра разносила градусники по палатам. К кому-то пришли родственники, кто-то сидел в кресле, читал книгу, в большинстве палат работали телевизоры. Лена стояла возле комнаты с надписью «Ординаторская». Ей велели ждать здесь. Она ждала.

С ней происходило что-то странное. Нет, она не чувствовала дурноты, липкий страх не опутывал ее паутиной, ее не бросало ни в жар, ни в холод, она словно превратилась в андроида с заданной программой. И она выполняла ее пункт за пунктом с невероятным упорством. Нужно было вызывать «Скорую», она вызывала. Нужно было идти на гастроскопию, она шла, поддерживая под руку ба, нужно было стелить ба постель, она стелила, потом помогала переодеваться, убирала вещи в пакеты, сдавала их в раздевалку. И все время ей казалось, что все эти события происходят не с ней, а с кем-то другим, а она просто наблюдает за ними со стороны. Наверное, вступила в силу защитная реакция организма, помогающая пережить сильное эмоциональное напряжение.

– Ничего, девочка, ничего, за месяц подлечат вашу бабушку, – принялась успокаивать моложавая соседка по койке, заметив Лену, задумчиво стоявшую возле окна. – Врач в нашей палате хорошая, знающая, зовут ее Ирина Валерьяновна. Вам, можно сказать, повезло, что она сегодня дежурит. Ты с ней уже разговаривала?

– Нет еще. Она сказала, что позовет меня, когда освободится.

– Значит, так и будет. Жди, никуда не уходи. А я пока на кухню сбегаю. Тарелку с чашкой и ложку для Ксении Матвеевны попрошу. Забыли из дома прихватить?

– Забыли, – спохватилась Лена, да поздно, и, будто извиняясь, пояснила: – Впопыхах

собирались. Никто и не вспомнил об этом.

- Ничего, завтра привезешь. Я тебе подскажу, что нужно, у меня опыт большой, полный курс лечения прошла, во вторник на выписку.

Тут Лену позвала в кабинет Ирина Валерьяновна. Сначала врач расспросила о взрослых родственниках и, узнав, что, кроме Лены и Кати, у Серовых нет близких, тяжело вздохнув и обреченно покачав головой, принялась объяснять Лене положение бабушки. Лена не очень хорошо понимала медицинские термины, несколько раз ей приходилось переспрашивать, задавать вопросы, чтобы разобраться, но к концу разговора у нее в голове сложилась более-менее ясная картина. У ее бабушки язва, расположенная с правой стороны в верхней части желудка. «Заболевание весьма распространенное в наши дни и в общем-то подробно изученное. Как-никак, занимает третье место после инфарктов и инсультов», - сообщила Ирина Валерьяновна Лене. Но возникли некоторые осложнения... Она так и сказала - осложнения! В этом месте нервы у Лены натянулись как струна.

- Какие осложнения? - спросила она, чувствуя, как в висках отчаянно пульсирует кровь.

- Видишь ли, Лена, у меня большая практика работы в этом отделении, более пятнадцати лет, и на моем веку я всего лишь второй раз встречаю каллезную язву таких больших размеров. Она примерно со спичечный коробок, края плотные, а это говорит о длительном воспалительном процессе. Давно бабушка жалуется на желудок?

- Около года, - опустив голову, призналась Лена, как никогда остро ощущая свою вину.

- Вот видишь. А к врачу ни разу не обращались, - укорила Ирина Валерьяновна. - К сожалению, такие запущенные язвы, поражающие обширные участки желудка, плохо поддаются консервативному лечению. Не стану скрывать от тебя, это серьезно, девочка. Но ты должна верить, что мы сделаем все возможное, чтобы поставить твою бабушку на ноги.

- Да, я верю, - закивала головой Лена.

- Хорошо, - энергично сказала Ирина Валерьяновна. - С сегодняшнего дня начинаем активно лечиться. Ваша бабушка пробудет в нашем отделении около месяца, если лечение, разумеется, покажет положительную динамику. Лекарства у нас бесплатные, препараты самые новейшие и оборудование отличное. Первую неделю, кроме минеральной воды, вы ничего сюда не приносите, - напомнила врач. - Ксении Матвеевне нужна строгая диета - все протертое, паровое, жидкое. Позже мы поподробнее об этом поговорим. Каждый вторник и пятницу с двух до четырех я беседую с родственниками. Ты тоже можешь зайти в пятницу, узнать результаты первичных анализов. Часы посещения больных вывешены на двери. Старайтесь их соблюдать. У тебя еще есть ко мне вопросы?

- Да. - Лена поднялась, но, почувствовав слабость в ногах, снова присела на край стула. - Вы сказали, что такие большие язвы плохо залечиваются... - Она запнулась, вспоминая слово. - Консервативно.

- Да. Это, к сожалению, так. Возможно, понадобится хирургическое вмешательство, - с честной прямоотой ответила Ирина Валерьяновна и, чтобы хоть как-то подбодрить сникшую Лену, сказала мягче, почти с материнской заботой: - У нас в клинике трудится очень хороший хирург, Леночка. Александр Иванович Туполев.

- Туполев! Юлин папа? - На губах Лены появилась слабая улыбка. - Мы с ней учимся в одном классе.

- Значит, ты знаешь, какой он прекрасный специалист, и мне не придется тебя в этом убеждать. Я предупрежу, когда состоится консультация с Туполевым. Если, конечно, в этом возникнет необходимость. А пока давай надеяться на лучшее. - Ирина Валерьяновна ободряюще улыбнулась. - На это же настраивай и бабушку. Дело в том, что первое условие для полнейшего и скорейшего выздоровления больного - это его правильное отношение к своему заболеванию.

- Спасибо. Я постараюсь, - пообещала Лена.

Выходя из кабинета, она могла ожидать чего угодно, но только не то, что увидит Борю! Растрепанный и взволнованный, он шел широким шагом по коридору, всматриваясь в номера палат.

- Боря! - позвала она едва слышно, все еще не в силах поверить, что он оказался здесь. Но он каким-то чудом услышал ее и обернулся.

Сердце Лены забилося тревожными толчками. Ощущение, что она пробирается сквозь зыбучие пески, боясь сделать неверный шаг, стало отступать. Лена бросилась к Боре навстречу, не обращая внимания на любопытные взгляды больных. Он привлек ее к себе, крепко обнял - так, словно хотел сказать: не бойся, теперь я с тобой. И сразу, как по мановению волшебной палочки, исчезло внутреннее оцепенение, и ее сердце затопила такая безмерная нежность к нему, что слезы застелили глаза.

- Как ты узнал? - прошептала Лена, спрятав лицо у него на груди.

- Мария Семеновна сказала. - Он прикоснулся губами к ее макушке. Она не смогла сдержать судорожного всхлипа, и в тот же миг он обхватил ее лицо руками. - Не плачь, Аленька.

- Не буду, - пообещала она.

Он погладил ее по щеке, осторожно стер подушечками пальцев повисшую на ресницах слезу. А потом, спохватившись, что они не одни, отвел ее к дальнему окну в конце коридора.

- Расскажи, что случилось?

Она начала свой рассказ неохотно, с трудом подбирая слова, но потом, как это случается, когда утрачивается контроль над своими чувствами, ее как будто прорвало. Через десять минут Боря был посвящен во все подробности этого дня, долгого и трудного, как полярная ночь.

- Ты хочешь зайти к ба? - спросила Лена.

- А можно?

- Я думаю, что она будет тебе рада, если только она не спит.

Ба не спала. Она действительно обрадовалась Боре и даже как-то заметно приободрилась и повеселела.

- Это кто ж такой будет? Жених, что ли, старшей твоей? - спросила любопытная соседка, лежавшая возле умывальника.

- Угадали - жених, - ответил бойкий Борька за всех.

Катя привычно хихикнула. Лена смутилась, а ба добродушно хмыкнула и распорядилась:

- Садитесь поближе, и ты, жених, тоже. Ну, что там тебе наш врач наговорила? - настороженно посмотрела она на Лену.

- Ничего страшного, - сказала Лена и улыбнулась.

Именно эта улыбка, подсказанная наитием свыше, успокоила ба лучше всяких слов.

Они проговорили с полчаса, и тут ба заволновалась, заметив, что за окном стало темнеть.

- Идите-ка домой. И тебя, Боря, мама, наверное, ждет. Волнуется. Завтра не приходите, у меня все есть, я тут под присмотром.

- Ну конечно, - перебила Катька недовольным и даже обиженным голосом.

- Жаль, что телефон в холле не работает, - вставила соседка у умывальника. - Сказали, что починят не раньше среды. Мы все туда звонить ходим.

- Это не проблема. - Борька полез в карман кожаного пиджака, достал сотовый телефон. - Вот, Ксения Матвеевна.

Ба заворочалась на кровати, пружины заскрипели.

- Что ты, Боря, не возьму. Я и обращаться с ним не умею.

Лена, прикусив губу, переводила растерянный взгляд с ба на Борю и обратно, испытывая при этом двойственное чувство: конечно, было неудобно вот так взять у парня телефон, воспользовавшись его любезным предложением, а с другой стороны, насколько Лене было бы спокойнее, если бы она смогла перед сном услышать голос ба.

Боря сжал ее руку. Он держал ее за руку почти все это время, и Лена поняла, что ее мысли для него не секрет. Может, он поэтому и предложил, с теплотой подумала она, украдкой любуясь его профилем.

- Ничего не хочу слышать, - заявил Боря и стал объяснять ба, как пользоваться мобильником.

- Да не пойму я! - сопротивлялась ба, но Лена видела, как она заинтересовалась.

Ну честное слово, радуется, как малый ребенок новой игрушке, не переставала удивляться она. Но ее душе от этого, как ни странно, становилось легче.

- Поймете. - Боря подмигнул Лене и, обернувшись к ба, сказал: - Все просто, как три копейки. Нажимаете вот на эту кнопку, а когда вас соединят, жмете вот сюда, где нарисован зеленый телефончик.

Он еще несколько минут поучил ба, а потом они стали прощаться с соседками по палате. Уже у самого выхода, повинувшись внезапно возникшему порыву, Лена поспешно вернулась, обняла ба руками за шею и затихла у нее на груди.

- Ну, ну. - Ба погладила ее по спине шершавой ладонью. - Не собираюсь я умирать-то. Не пришло мое время. Идите домой, за Катюшей присмотри, и сама тоже... - Ба не стала договаривать, но Лена и без того поняла, что она хотела сказать.

Все она, конечно, поняла, не глупенькая, но сил отпустить Борю в этот вечер и остаться одной у нее не было. Катька давно спала в своей комнате, вымотавшись за день, а Лена все оттягивала момент прощания. Они сидели на кухне, пили кофе. На часах было начало одиннадцатого.

- Мне, наверное, пора? - неуверенно произнес он и, чуть помедлив, поднялся на ноги.

- Я боюсь! - вырвалось у Лены, едва она представила себе, что останется наедине со своими ночными страхами.

Ей стоило большого труда не вцепиться в его пиджак, но он сам бросился к ней, прижался губами к виску и горячо зашептал:

- Хочешь, я останусь? лягу в соседней комнате или всю ночь просижу в кресле рядом с тобой. Только скажи.

- А как же твоя мама? Что она подумает? - взволнованно спросила Лена, обхватив его за талию руками. И, внезапно вспомнив, спросила: - Она передала тебе, что я звонила?

- Когда? - Боря отодвинулся, чтобы заглянуть ей в глаза.

- Около двенадцати. Ба с утра почувствовала себя неважно. Я подумала, какой уж тут каток, и позвонила тебе. А твоя мама сказала, что тебя нет дома, и мне ничего другого не оставалось, как попросить ее передать тебе, чтобы ты мне сам перезвонил. А потом все так завертелось, что мне стало не до звонков.

- Понятно, - задумчиво произнес Боря. - Не волнуйся, я позвоню домой.

- Но...

- Я скажу, что заночую у товарища, - сказал он и как-то решительно, по-мужски, незнакомо сжал губы.

Лена стелила Боре и прислушивалась к его разговору с матерью. Да, это нехорошо. Все это знают. И она это знала, однако упорно напрягала слух, болезненно реагируя на малейшие изменения в его голосе. По резкому Бороному тону она поняла, что совершила ошибку, пойдя на поводу у собственной слабости. Нужно было отпустить его домой. Кроме того, из обрывков фраз она поняла еще и то, что мама Бори не передала, что она звонила ему утром. Забыла или не захотела? Скорее второе, чем первое.

Когда он вошел в комнату, она внимательно посмотрела на него:

- Ты что, поссорился с мамой?

- Это ерунда. У нас в доме ссоры довольно частое явление, - беззаботным тоном откликнулся Боря, но ему не удалось ее обмануть.

- Нет, наверное, не ерунда, если ты и вчера не ночевал дома. - Лена отбросила волосы за спину. - Извини, я слышала твой разговор.

- Вчера я ночевал у Кольки. - Боря взглянул на нее исподлобья. - И между прочим, у меня от тебя секретов нет.

- Да? Тогда скажи, из-за чего вы с мамой поссорились? - Что-то подсказывало Лене, что она

задала нужный вопрос.

Боря отвел глаза.

- Не важно.

«Из-за меня! Не ко двору пришлась!» - сердцем ощутила Лена. Думать сейчас об этом просто не было сил. Лена была измучена и вымотана до предела.

Спустя час Лена лежала в своей комнате, в своей кровати, а сон все не шел. В голове теснились мысли, воспоминания сменяли друг друга, и им не было конца. Она вдруг вспомнила, как успокаивал ее отец, когда она прибегала к нему в слезах, стараясь выплеснуть обиду или пожаловаться на неудачу. «Не отчаивайся, дочка, - говорил он, покачивая ее на коленях. - Помни, когда закрывается одна дверь, всегда приоткрывается другая...» Но ведь и мама говорила о том же. Не зря же в недавнем сне она напомнила Лене, что зеленый цвет - это цвет надежды.

Тут в голову Лене пришла страшная мысль, что Бог забирает к себе тех, кого мы больше всего любим, и в отчаянии взмолилась: «Господи, не дай мне ее потерять! Ба и Катя - это все, что у меня осталось в этой жизни. И еще Боря!» Влага переполнила глаза, и соленые слезы покатались вниз. И не правда, когда говорят: слезами горю не поможешь. Поможешь, еще как! Для Лены эти горестные слезы были необходимы, они несли облегчение ее уставшей душе. Но едва скрипнула дверь, Лена бросилась вытирать их уголком пододеяльника. Боря стоял в проеме, привыкая к темноте. Лена отчетливо видела его силуэт, освещенный со спины светом ночника из смежной комнаты. Видимо, он еще не ложился, потому что был полностью одет.

- Ален, ты спишь? - Его голос прозвучал легким шелестом.

Он пришел проверить, спит ли она, и боялся ее разбудить.

- Нет, не сплю. Иди ко мне, - позвала она, стараясь не шмыгать носом, чтобы не выдать себя.

Он шагнул вперед, закрыл дверь. Теперь только слабый свет луны проникал в комнату сквозь окно.

Она подвинулась, и он присел. Она провела по его спине рукой. Он дернулся, как от удара, резко повернул голову, стараясь разглядеть в темноте ее лицо, и, когда она протянула к нему руки, опустился на кровать и обнял ее. Она не сопротивлялась, напротив, уткнулась лицом в его шею, и он прижал ее сильнее, как если бы мог защитить от перемен, неизбежных для них обоих. Позже, когда Лена вспомнила этот момент, к ней пришло понимание, что интуиция не обманула ее, но она просто отмахнулась от этих тревожных ощущений, решив, что издерганное сознание во всем готово увидеть опасность. Ее рука, ища удобное положение, легла ему на грудь. И Лена слегка вздрогнула от удивления, когда поняла, что ее ладонь лежит прямо там, где сильно и ровно билось его сердце. Она крепче прижала пальцы, прислушиваясь к его ритмичному биению, и вздохнула от радости, когда оно проникло в нее через кончики пальцев, и теперь она уже больше не могла различить, чье биение она чувствует. Его? Ее? Их. Два сердца, ставшие одним...

Лена спала, уютно прикорнув у него на плече. Ее ладошка по-прежнему лежала на его сердце, оно стучало, как молот о наковальню - равномерно и неустанно. А Борька все не мог заснуть. Перед глазами стояло ее мертвенно-бледное застывшее лицо, на котором выделялись только широко распахнутые глаза. Такой он увидел и запомнил ее в больничном коридоре, когда обернулся, нет, вернее, почувствовал ее безмолвный крик.

«Сколько же ей пришлось пережить? А ведь ей всего пятнадцать, как и мне...» – снова подумал он, и сердце, до этого ритмично бьющееся, внезапно защемило от мучительной боли. И сразу возникло желание защитить ее от всех бед, уберечь от любых неприятностей, сделать так, чтобы ее солнечная улыбка никогда не пряталась в тень, а из глаз навсегда исчезла печаль.

Боря осторожно отвел светлый шелковистый локон со щеки Алены.

- Я люблю тебя, – тихо сказал он, хотя знал, что она спит и не слышит.

Но ему необходимо было произнести это вслух.

14

Наступил понедельник, за ним вторник. Последующие несколько дней ничем не отличались от предыдущих. Боря с Леной встречались на остановке, вместе ехали в школу. После уроков они возвращались чаще всего к Лене, вместе делали уроки, иногда так, на скорую руку, потом обедали втроем с Катюхой и уже после этого ехали проведать ба.

- Ален, давай устроим маленький праздник, – предложил Борька, заметив, что фиолетовые подпалинки под ее глазами стали глубже.

Они возвращались от ба. Лечение шло в соответствии с назначенным курсом, анализы у ба были хорошие, и даже ответ из онкологического центра, о котором они впервые сегодня услышали, пришел отрицательный.

- Что это значит? – прошептала Лена, недоуменно глядя на врача, разглядывая бумажку с печатями.

- Это значит, что у твоей бабушки нет раковой опухоли, девочка. Я не хотела тебя волновать раньше времени, поэтому не стала об этом говорить. Сейчас уже причин для такого рода беспокойств нет. И вообще твоя ба молодец. Перчик, а не ба! – рассмеялась довольная Ирина Валерьяновна. – Если бы все пациенты были настроены на победу так, как она, мне бы жилось намного проще.

Однако вопрос об операции не был снят с повестки дня. И Боря видел, что это сильно беспокоит Лену, потому что у ба возраст, давление и потому что в каждом человеке живет страх потери... А у его Алены это особенный страх...

- Что ты молчишь? – напомнил Боря. – Давай заьем на английский и пойдем вечером куда-нибудь посидим?

- Не получится, – наконец-то открыла рот Алена. – Сегодня вечером у меня генеральная уборка. Полы буду драить, плитку отчищать, туалет мыть, вот так.

- А до субботы это не может подождать?

- Нет. Это не дома, Борь, – вздохнув, пояснила Алена. – В офисе, где ба работает.

- Так она у тебя работает?

- Да. Жить как-то нужно, – просто отозвалась Лена. – Я хожу за нее убираться все эти дни вместе с Катькой.

- Когда же ты успеваешь? - изумился Борька. - Мы вроде все время вместе?
- Ну, иногда все же и врозь.
- Но только не сегодня. - Борька обнял Алену. - Сегодня я иду с тобой, раз у тебя генеральная уборка у какого-то хмыря в офисе.
- Не говори так, - строго предупредила она.
- Почему?
- Потому что речь идет о твоём отце.
- Вот как! - присвистнул Борька и, развернув ее к себе, поцеловал прямо на улице.

И это так не вязалось с предыдущим разговором, что Лена от неожиданности растерялась и часто-часто заморгала длинными ресницами.

Илья Борисович захлопнул дверцу шестисотого «мерса», запахнул на себе дорогое пальто и стал торопливо подниматься по ступенькам. Рядом с ним топала стройными ножками секретарша Раечка. Бизнесмену всегда некогда. Илья Борисович хоть и оценил по достоинству деловые качества новой помощницы, но вот поближе познакомиться с ней пока не успел. Ничего не поделаешь: делу время - потехе час. Нужно назначить этот час, подумал высокий подтянутый мужчина, внезапно заметив, что какой-то парень, чем-то похожий на его Борьку, в такой же бандане с черепахи, лихо драит полы, орудуя шваброй.

- У нас появилась лишняя вакансия уборщицы? - небрежно поинтересовался Илья Борисович у Раечки. Парень обернулся, и Илья Борисович внезапно забыл, куда шел до этого. - Боря?! - Бровь отца недоуменно взлетела вверх. - Ты чем тут занимаешься?
- Не ясно, что ли? Полы мою! - Борька шмыгнул носом, подтянул футболку кверху и вытер вспотевшее покрасневшее лицо ее краем.
- Вижу! Но зачем?
- Девушке своей помогаю убираться.

Борька наблюдал, как отец напрягает память. Увлечательный, между прочим, процесс. Лоб весь аж в гармошку собрался. Да, удивил он его сегодня. Впрочем, он уже вторую неделю и мать удивляет. В обращении вежлив, если она о чем-то просит, он не отнекивается, как обычно. В магазин - пожалуйста, ковры пропылесосить - запросто, ведро мусорное вынести - нет проблем. Вот только пропасть отчуждения между ними не сужается, а растет.

- А, это светленькая такая, с длинными волосами? - вспомнил наконец-то отец.
- Вот-вот. Она в туалете старается, чтобы твои раковины блестели, а я здесь, - усмехнулся Борька и, бросив под ноги отца тряпку, проворчал: - Ноги вытирайте. А то ходят здесь всякие генеральные, а за ними потом грязь убирай.

Отец усмехнулся, тщательно вытер ноги и, проходя мимо Борьки, шепнул: «Горжусь!»

Борька громко рассмеялся, представив себе, как отец рассказывает об этом случае матери. Этим он обязательно поделится. «Гордиться» - это то небольшое, что они могли еще делать

вместе.

А два дня спустя ему стало не до веселья.

- Понимаешь, у меня как сердце чувствовало, - торопливо и сбивчиво объясняла Алена. - Думаю, нужно сходить к Юлиному отцу, поговорить. А вдруг придется делать операцию, ведь у ба давление, возраст.

- Ну.

- Ну вот. Пришла, рассказала ему все. А он, оказывается, все знает. У них там пятиминутки бывают у главврача, консультации по отделениям. Александр Иванович мне объяснил, что если ба придется делать операцию под общим наркозом, то это чревато осложнениями. - Лена надрывно втянула в себя морозный воздух. - Я уже этого слова панически боюсь. Ба, конечно, я об операции пока ничего не говорила. Катьке тоже, - перескакивала она с одного на другое. - Она и так учиться стала хуже. Но знаешь, что мне еще сказал Александр Иванович? - Боря не успел открыть рот, чтобы спросить, похоже, сегодня его Алена разговаривала за них обоих. - Он сказал, что можно сделать какую-то особенную операцию при помощи компьютера. Делаются три надреза, маленькие такие, и все. Лаб... лаб... Забыла, как называется по-научному. Зато потом выздоровление очень быстро идет, и швы моментально заживают. - Глаза у Лены сверкали от возбуждения. Она покраснелась и стала еще симпатичнее от этого. Борька не мог ею налюбоваться.

- Так в чем же дело? - расплылся он в улыбке. - Такую и нужно делать, если что!

- Нужно, но она платная. Семьсот долларов. Где я такие деньги возьму?

- Ничего, мы что-нибудь придумаем, - сказал Борька и мысленно обругал себя парочкой слов из ненормативной лексики. Не помогло. Недавно он грохнул все свои сбережения на подводное ружье, увлекся этим делом после зимних каникул. А как бы теперь эти быблы емугодились!

- Может, я у отца попрошу? Для него это...

- Нет, - категорическим тоном сказала Лена. - Борь, ты только не обижайся. Пойми меня правильно, - тут же смягчилась она, беря его под руку. - Не могу я взять у твоих родителей деньги. Не могу, хоть ты меня режь!

И он не обиделся. Он тоже был гордым человеком. Конечно, пока они обсуждают этот вопрос чисто теоретически. А когда (если, поправил себя Борька) придется задуматься всерьез, он найдет способ уломать Алену. Да, скорее всего, ему и делать-то этого не придется. Ради ба она забудет о своей гордости. Он бы тоже намазал свою на хлеб и сжевал вместе с маслом. Тут не может быть двух решений. В любом случае он не видел причины расстраиваться раньше времени. В конце концов, он может заработать эти деньги, а если не получится (и, скорее всего, за такой короткий срок не получится, потому что семьсот баксов - это все же семь сотен баксов!), то он возьмет деньги у отца. В долг. Алене скажет, что это его деньги, а уж с отцом он позже рассчитается. Может, тот ему по знакомству и приработок устроит, барменом, например, в какой-нибудь кафешке.

Тут совсем некстати вспомнился этот случай в офисе. Вопреки его ожиданиям, мать не обрадовалась новости, что ее сын первый раз в жизни совершил по-мужски стоящий поступок - так охарактеризовал его поведение отец. К тому же она сообщила, что собирается вместе с подругой отправиться в круиз по Средиземному морю, на месяц. Скорее бы! Может, когда она

вернется – загоревшая и насытившаяся впечатлениями, – все как-нибудь и образуется. Честно признаться, надоела вся эта тягомотина с великим противостоянием.

15

«Дурные вести не лежат на месте», – подумала Лена, потому что буквально на следующий день после разговора с Юлиным папой все в классе, да что там в классе, в школе, знали, что Ленина бабушка попала в больницу с серьезным заболеванием. Правда, позже выяснилось, что был и положительный момент в Юлькиной трепотне – учителя Лене сочувствовали, к доске практически не вызывали, за самостоятельные и лабораторные стали завышать отметки.

– Этак мы с тобой отличниками заделаемся, – посмеивался Борька, но ловил недовольный взгляд Юрки и сам начинал хмуриться.

С его приятелем происходило что-то неладное. Дерганый стал парень. В учебе съехал. Борька набирал очки, словно у него второе дыхание открылось, а Юрка явно был все время чем-то озабочен. Иногда Лене стало казаться, что это она виновата в том, что дружба Бори и Юры на грани распада. Наверное, так оно и есть. Она и сама стала реже видется с Наташкой. У нее, правда, на то есть серьезные причины. Ба в больнице, а кроме этого, нужно за домом смотреть, готовить ба паровые котлеты, варить кисель, ходить в магазины, убираться в офисе. Ей, конечно, помогали и Катя, и Боря, и Семеновна. Лена не могла представить себе, как бы она обходилась без их помощи и поддержки. И еще ее постоянно мучил вопрос: где взять деньги на операцию? Ведь в последнюю минуту с протянутой рукой не пойдешь... Лена подумывала обратиться к Наташке. Она знала, что подруга копит на летнюю поездку за границу, чтобы не зависеть от материнского кошелька. У Лены скопилась некоторая сумма – сто баксов. У ба были припрятаны в чулке «похоронные» двести баксов, как она призналась Лене, когда ее отвозили в больницу. Итого триста. Нужно было раздобыть еще четыре сотни. Если бы они лежали в гардеробе, в старой сумке среди документов, Лена бы чувствовала себя намного увереннее.

Пошла третья неделя, как Лена и Катя управлялись без ба. И вот в один из последних февральских дней после урока физики...

– Лена, Серова! – позвала Кошкина.

– Да, Людмила Сергеевна. – Лена подошла к учительскому столу.

– У вас последним уроком история?

Лена кивнула.

– Зайди ко мне после в учительскую. Сможешь?

Лена от растерянности сказала:

– Конечно.

Впрочем, она все равно сказала бы «конечно». От таких приглашений не отказываются.

– Чего ей от тебя было нужно? – насупился Боря.

– Ничего, просила зайти в учительскую.

- Вот черт, а я сегодня, как назло, обещал одному парню с «молотка»...

- Что?

- Ничего. Встретиться мне с ним нужно.

- Ну и иди на эту встречу, – согласилась Лена. – Вечером увидимся.

А про себя она решила, что это вовсе неплохо, что Боря занят, она сможет заскочить к Наташке на чашечку бразильского кофе, а заодно и поговорить.

Тут как раз прозвенел звонок, и в кабинет вошел вальяжный Кахобер Иванович с пышными буденновскими усами, в которых всегда пряталась лукавая улыбка. Урок начался.

Сорок минут прошли быстро. Наверное, потому, что классный не вызывал к доске, а сам рассказывал новую тему, да так увлекся ей, что далеко и надолго отошел от школьной программы.

После урока Лена проводила Бору до двери в раздевалку. Он поцеловал ее в щеку, на зависть многим девчонкам, и пошел на свою встречу, а Лена отправилась к Кошке.

- Можно? – Она по инерции приоткрыла дверь в учительскую, не дождавшись разрешения.

От стола метнулась тень.

- Юр, ты чего?

- Ничего. – Юрка отвел глаза: они у него почему-то неприятно блестели и бегали. – Кахобер попросил журнал отнести после урока.

- Так стойка с журналами там. – Лена указала на противоположную сторону кабинета.

Юрка передернул плечами: а то, мол, я и сам не знаю.

- А я подумал, что «француженка» самостоятельную проверила. Вон стопка на столе, наш родной девятый «Б», только мы еще без отметок. – Он смерил ее презрительным взглядом, откинув голову назад. И глаза перестали бегать, застыли в неприязни: – А чего это я перед тобой распинаясь? Ты сама-то чего сюда прикатила?

- Меня Кошка вызвала.

- Вот и кантуйся с ней. А мне некогда тут с тобой трепаться.

Юрка пошел к выходу, засунув руки в карманы широченных модных штанов. Навстречу ему вошла Людмила Сергеевна. Она смотрела на Лену, и Юркин уход остался незамеченным.

- Лена! Уже здесь? – Кошка улыбалась. – Хорошо. Да садись ты, садись, в ногах правды нет.

Лена села. На Кошку точно приближение весны действовало. Мало того что она расцвела, сделав короткую стрижку, так еще и подобрела.

- А меня в кабинете директора задержали. У него сегодня именины.

Стало понятно, почему в учительской нет никого из учителей – все шампанским угощаются. И

ничего. Им можно в учебное время.

Через несколько минут разговора ни о чем завуч приступила к главному:

- Лена, тут я узнала, что у тебя бабушка в больнице.

- Да.

- И как вы вдвоем с сестренкой справляетесь?

- Нормально справляемся. Нам соседка помогает, - добавила Лена на всякий пожарный. А то кто его знает, что сердобольным взрослым в голову придет - еще в какой-нибудь приют захотят их временно определить. Нет, они с Катькой туда ни ногой. У них семья!

Но Кошку, видно, интересовал другой вопрос.

- Как у бабушки дела?

- Спасибо...

- Подожди ты благодарить. - Кошка накрыла ее руку своей. Рука оказалась на удивление теплой, живой. - Ей действительно может понадобиться платная операция?

- Да. - У Лены опустились плечи: эта постоянная забота давила ее к земле.

- Я подумала, ты только не отказывайся сразу, - предупредила Людмила Сергеевна, - может быть, мы соберем для тебя деньги, хотя бы какую-то часть. Среди учителей, учеников. Я могу позвонить в соцзащиту, в префектуру, выхлопотать определенную сумму на лечение.

Щеки Лены полыхнули огнем. Как это унижительно, еще хуже, чем взять деньги у Бориных родителей. А вдруг они и не понадобятся, а в нее потом пальцем тыкать начнут. Найдутся и такие. Лена знала, помнила... Решение пришло к ней внезапно:

- Нет, Людмила Сергеевна, не нужно ничего собирать, никуда звонить. - Она подняла голову и смело ответила на сочувствующий взгляд синих глаз. - У меня уже есть нужная сумма. И вообще пока не ясно, может, все обойдется и без операции.

- Ну, дай бог, дай бог, - сказала завуч, будучи стойкой атеисткой. - Если тебе нужна будет помощь, любая, обращайся сразу ко мне, не стесняйся. И Кахобер Иванович всегда рад помочь, и не только советом, не забывай об этом.

- Хорошо, спасибо, - сказала Лена и благодарно улыбнулась.

Не ожидала она от Кошки такой чуткости, понимания и деятельного сочувствия. Вот тебе и жандарм в юбке. Оказывается, бывает приятно осознавать, что ты ошибалась в человеке. И вообще, свет не без добрых людей!

16

На следующий день школу облетела оглушительная новость: у молоденькой «француженки» пропал кошелек с приличной, прямо-таки невероятной по учительской мерке суммой - 500 бабосов, в смысле долларов! Почти сразу вслед за этим выяснилось, что она выходит замуж. И главное, не за Лапушку, то есть Игоря Вячеславовича, преподавателя физры. Спортивный

Лапушка (вылитый Ван Дамм в лучшие годы, только на десять сантиметров выше) был мечтой всех старшеклассниц. В раздевалке часто обсуждалась его умопомрачительная внешность. У молодого преподавателя за год сложилось два школьных романа. Сначала с Марго, молоденькой училкой словесности, но та его отшила и выскочила замуж за мечту своего детства – Михаила Юрьевича Сергеева, и скоро, между прочим, Сергеевых станет трое. Но Лапушка не сильно переживал отставку, практически сразу начал ухлестывать за «француженкой». Да, видно, что-то у них не заладилось с Марией Антоновной, если она, как и Марго, замуж за другого засобиралась. Но это, как говорится, совсем другая история. А тут кража! В школе! В общем, очередное ЧП – и похлеще, чем общество женоненавистников или драка парней из 10 «А» и 10 «Б» на заднем дворе школы.

Школа дымилась и плавилась от разговоров. Обстановка накалилась до предела. С каждым днем эта неприятная история обрастала новыми подробностями, и трудно было понять: где правда, где вымысел, настолько тесно переплелись факты, домыслы и сплетни.

Достоверно было известно, что Маша отказалась заявлять в милицию. Сказала: «Не стану сор из избы выносить. Сами разберемся». За это ее сильно зауважали во всех классах. Учителя во главе с директором тоже зауважали, конечно, но принялись с методичной настойчивостью вычислять вора. Провели собрания по классам. Полный штиль, разумеется. Устроили общее родительское собрание, на котором призвали к бдительности. Затем стали вызывать в кабинет Кошки вероятных кандидатов, способных совершить неблаговидный поступок: таких во вполне благополучной школе набралось с десятков человек. В их число попали и Боря Шустов с Колей Ежовым.

- Подумаешь, пять сотен зеленых! – бравировал Колька, когда вышел из чистилища. – У нее жених – новый русский последней волны. Он эти пять сотен на чай раздает.

Откуда Колька об этом узнал – непонятно. Ну узнал и узнал.

- Коля, что ты сказал им? – волновалась Юля.

- Что сказал? – возмущался Колька. – Правду. Сказал, что я чист и непорочен, как святая Дева Мария.

- Не, Колян, ты не Дева Мария, ты дятел! – заржал Юрка, тыча пальцем в порозовевшую Юльку.

Раздался оглушительный смех из мужских голосов.

- Боря, а ты?

Лена так издергалась, что ей было не до смеха. Но не могла она при всех об этом говорить, вот и утащила Борьку под черную лестницу, место, избранное для разборок и тайных поцелуйчиков.

- Что я? – Боря обнял ее. – Нормально все.

- У тебя всегда все нормально. Ты просто волновать меня не хочешь. А между прочим, неизвестность – это худшее из зол. – Лена уткнулась взглядом в стертые мысы своих ботинок.

- Ну какая неизвестность! – Борька притянул ее к плечу. – Я к этой неприятности никакого отношения не имею. Давай лучше нашими делами морочиться. У меня тут пару сотен баксов появилось...

- А уже не нужно! - перебила Лена.

- Как? - Борька посмотрел на Лену. - Что, ба вчера сделали эту гастроскопию?

Лена помотала головой. Боря эти два дня не ходил с ней к ба. У него какие-то домашние дела накопились. Лена не стала расспрашивать, какие именно. Она вообще старалась эту семейную тему не затрагивать. Боря больше не напоминал, что хочет пригласить ее к себе, и это молчание было понятнее любых слов.

- Тогда откуда? - растерянно спросил он.

- Не важно, - смутилась Лена и спрятала лицо у него на груди. - У меня эти баксы есть, и давай больше не будем об этом говорить, - пробормотала она приглушенным голосом. - Я так устала от этих денег...

Борины губы прикоснулись к ее макушке, а потом она подняла к нему покрасневшее лицо, и они поцеловались долгим, упоительным поцелуем. И только звонок на урок смог оторвать их друг от друга.

Литература шла своим ходом. Боря слушал, а может быть, делал вид, что слушает, и думал о своем. Лена ему не мешала. Она тоже была погружена в свои в общем-то грустные мысли. Так много тайн у нее от Бори. А ведь она хотела, чтобы между ними не было никаких недомолвок, и в то же время сама создавала их. А может быть, это жизнь воздвигает на ее пути трудности, чтобы закалить ее характер. О маме она так и не решилась ему рассказать.

Были сомнения и насчет Юрки, лучшего друга Бори. В тот день, когда из учительской пропал кошелек «француженки», он тоже туда заходил. Лена с ним столкнулась, и он явно перепугался. Она вспоминала его бегающие глазки, и ее сразу начинали одолевать сомнения. Что он забыл у стола Марии Антоновны? Но ведь не пойман - не вор. И потом, вдруг она ошибается. Больше всего Лена боялась ранить человека незаслуженным оскорблением. Она и так стала причиной ссоры друзей в тот день, когда Боря вытирал с доски Юркиной спиной обидные стишки. А теперь вот еще и ее лучшая подруга...

Нет, не ожидала она от Наташки такого. Лена в своих воспоминаниях вернулась на несколько дней назад, когда Боря из школы поехал встречаться с каким-то парнем, а она, поговорив с Кошкой в учительской, отправилась напрямик к Наташе. Тот разговор заставил Лену действовать.

- О! Какие люди в Голливуде! - обрадовалась подруга. - Пошли на кухню. Мать спит. У нее голова разболелась, вот она раньше времени дома и появилась. Ну, как у тебя дела? Ба как? И вообще? С Борей все еще мир да любовь? - забросала ее вопросами Наталья, берясь за кофе. Она без кофеина жить не могла.

Лена принялась рассказывать, все прикидывая про себя, как бы потактичнее намекнуть подруге, что ей до зарезу нужны деньги. И вдруг неожиданно выпалила:

- Наташ, мне баксы нужны. Четыре сотни для ба!

Подруга присвистнула, опустившись на стул.

- О как! - покачала она головой. - Да. Ситуэйшен - не позавидуешь.

- Дашь? Ты не сомневайся, я верну, шитьем заработаю.

- Это понятно, - согласилась Наталья. - Только ты когда заработаешь? Тебе сейчас не до этого. А мне деньги к июню понадобятся. Мы же в июне отдыхать едем.

Лена вся съежилась от этих слов.

- Да ладно! - Подруга махнула рукой. - Обойдусь как-нибудь на отдыхе.

Лена заулыбалась. Так быстро менялось ее настроение, что она уже не могла разобраться в своих чувствах: то ли молиться ей на Наташку, то ли обижаться. И тут Наташка, ее единственная подруга, сказала:

- Пиши расписку!

Она полезла в ящик за бумагой, ручкой, а Лена все еще улыбалась, не до конца осознавая смысл сказанного. Она улыбалась и тогда, когда Наташка положила листок перед ней и стала объяснять:

- Сама понимаешь, такие бабки просто так не дают. Нужна какая-то гарантия. Все мы, как говорится, под богом ходим, мало ли что...

Ленина улыбка наконец-то погасла. Лена открыла рот, наверное, хотела сказать, что только что, на ее глазах, погибла их дружба, но в кухню ворвалась мама Наташки. Алена не успела сообразить, как та скомкала лист и швырнула его в мусорное ведро.

- Докатились! - Она смотрела только на дочь, взгляд ее был обжигающим, но Наташку это ни капли не смутило.

- Прошла голова?

- Прошла. Что же ты, дочка, делаешь? Расписку с подруги требуешь. Ну и кому ты ее собираешься предъявлять, ежели что, может, сестре ее Катьке?

Лена начала подниматься, медленно, как во сне. Мать Наташки с силой нажала на ее плечи:

- Сиди!

- Мам, ты чего? Чего я такого сделала, что ты как с цепи сорвалась? Лен, ну ты-то ей хоть скажи! Что в этом такого? Весь мир так поступает... - Наташка вдруг осеклась, будто поняла, чем вызвано это враждебное молчание, и, насупившись, сказала: - Я не бездушная, я здравомыслящая. Это разные вещи.

- Мы это еще обсудим наедине, - пообещала мать Натальи и вышла из кухни.

Лена наконец-то смогла встать.

- Спасибо за кофе, - проговорила она, стараясь не терять самообладания. И все же ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы взглянуть на бывшую подругу. - Я пойду.

- Лен, ну ты что? Ну, глупость сморозила. - Наталья пошла за ней. Кажется, до ее черствой души начало что-то доходить. Уже в коридоре к ним подошла ее мать.

- Возьми! Здесь пятьсот долларов.

Лена отрицательно замотала головой.

- Возьми. Это я тебе даю. Я! И ты меня не обижай, я, можно сказать, собственный грех замаливаю. Возьми! - уже мягче попросила она.

Лена взяла. Она попала в безвыходную ситуацию.

Вот так у нее появилась вся сумма. Спрашивается: могла ли она рассказать Боре о том, что ее предала лучшая подруга? Нет, не могла.

17

Боря все это время ломал голову над вопросом: откуда у Алены появились деньги? Не с неба же свалились, ведь две недели назад их не было. Он продал свой палм-топ (эту бесполезную игрушку) какому-то дурачку, разыскав его на интернетовском «молотке». Получил на карман две сотни баксов, а они оказались не нужны. Ну ладно. Могла бы объяснить ему толком, что к чему. Так нет, снова замкнулась в себе, спряталась под панцирь. Алена все чаще стала снимать с себя эту броню, давая передышку и себе и ему, но все же держала «крышу» поблизости. Чуть что - я в домике! И еще его тревожили, просто покоя не давали, ее задумчивость и этот потерянный, вечно ускользающий от него взгляд. И вроде у ба все было неплохо, лечение шло нормально, а она ходит в последние дни как в воду опущенная, словно что-то ее терзает.

И началось все после того, как пропали эти проклятые деньги у «француженки». Алена говорила об этом неохотно, в отличие от остальных. Странно. С чего бы это? Однажды во время такой беседы он в какой-то краткий миг сумел различить неуверенность, промелькнувшую в ее глазах. И сколько Боря ни отгонял от себя дурные, совершенно безумные мысли, они, как нарочно, лезли в голову.

С того момента, как состоялась нашумевшая пропажа, прошло около двух недель, но страсти тем не менее не затихали.

И вот как-то после уроков Борька, Колян Ежов и Юрик случайно оказались в кабинете химии.

Колька в проходе сделал стойку на руках.

Борис одобрил:

- Нормально, в хорошей форме. А ты чего-то киснешь, Юр. Как там твои спортивные достижения? Продемонстрировал бы на нас парочку приемов, - предложил он шутливо.

- Да? А потом твоя мамочка снова сюда прибежит с криком: «Не трогайте моего сына!» Нет уж, спасибо, мне эти траблы на фиг не нужны, - криво усмехнулся Юрка.

Борька напрягся: интересная информация.

- Когда это моя мать здесь была?

- Да пару дней назад.

- Ну и что? Я тоже ее видел, - сообщил Колька. - Она с Кошкой беседовала. Мне тут случайно стало известно, что твоя мамаша против Ленки настроена.

Случайно? Вряд ли. Скорее всего, Алена с Юлькой поделилась. Оно и понятно: Борька с Колькой сдружился, девчонки тоже стали больше общаться.

- Есть такой факт в моей биографии. В общем, помнишь ту ночь, когда я у тебя ночевал? - сказал Борька, глядя на Коляна.

- Ну, помню. Так ты тогда из-за Ленки сорвался?

- Ну да. Мать вбила себе в голову, что «дельфин и русалка» не пара. Ну, я ей и объяснил доступным языком, что все, что между мной и моей девушкой происходит, - это наше дело и ее это не касается. Сейчас у нас полное понимание - молчим, как рыбки в аквариуме.

- Круто, - оценил Колька.

И вдруг Юрка резко сменил тему:

- Никаких новостей от «француженки» нет?

- Тихо пока. Разбираются. Найдут, конечно. Шило все равно в мешке не утаишь, как заметил Кахобер на классном часе. - Колька расплылся в улыбке, лениво почесав грудь. - Хотя трудновато им придется шило это искать, если они с собой разобраться не могут. Они в тот день именины директора отмечали, и, кто там из них в суматохе дверь в учительскую не закрыл, теперь трудно понять. А чего? - спросил он Юрку.

- Да так, - туманно откликнулся тот.

- Брось! Колись давай, видим же, есть что сказать, - прижал Борька.

- Есть-то есть, да боюсь, тебе это не понравится. - Юрка сплюнул сквозь зубы на только что вымытый пол. - В общем, так, пацаны, больше молчать не могу. Видел я, как твоя Лена в учительскую входила. - Юрка смотрел на Борьку. - Мне Кахобер как раз поручил журнал отнести... - Борька насторожился. Где-то в глубине сознания мелькнула смутная догадка, что за этим последует. - Открываю дверь, а она возле стола в сумке у «француженки»...

- Заткнись! - Борька схватил Юрку за грудки. - Слушай, ты! Ты ничего не видел. Ты нигде не был, понял?! Иначе я...

- И ты поверил? - услышал Борька чистый, звонкий голос Лены.

Его Алена стояла в дверях подсобки. Тонкая, гибкая, в глазах океан полыхающего огня!

Когда они нырнули в кабинет потрепаться, дверь в подсобку была открыта, но парни не придали этому значения, потому что видели, как из класса выходила химичка.

Борька отпустил Юрку.

- Ален!

Она его не слышала.

- Да я бы лучше на Тверскую пошла, чем в чужой карман полезла!

Борька дернулся, будто пощечину получил.

- Не смей так говорить! - Он шагнул к ней с искаженным лицом.

Лена вытянула вперед руку, и между ними возникла невидимая стена.

- Не подходи ко мне. Между нами все кончено! Кончено! Мамочка твоя права, я тебе не подхожу! Ты чистенький, а я... - Борька врос в пол: не дай бог, эта глупышка сейчас при ребятах сорвется! Бог внял его молитвам. - Я... - У Лены из глаз брызнули слезы, и тут она резко произнесла: - Только вот что я тебе скажу: все было с точностью до наоборот. Это я тогда вошла в учительскую, меня Кошка вызвала за жизнь мою сиротскую побеседовать! А он... - Лена смахнула слезы ладонью и указала на Юрку пальцем. - Он у Машиного стола топтался. Я сомневалась, мучилась, тебе боялась рассказать. Как же - твой друг! А теперь поняла! Это ты украл деньги. Украл и, испугавшись, решил свалить на меня.

Борька оцепенел. Какое-то время он только смотрел на Лену, с тоской замечая, как тяжело она дышит, как гаснут ее глаза, как в них вместо гнева появляется потерянности, словно она никак не может понять: как такое могло случиться с ней. И почему именно с ней?

«Нужно что-то делать! Немедленно!» - пронеслось в мозгу. Но стоило ему пошевелиться, как она ожила, встревоженно огляделась и бросилась вон из кабинета.

Он должен был ее догнать! Извиниться, упасть ей в ноги и молить о прощении, потому что знал: она сказала правду, а солгал Юрка. Достаточно было взглянуть на его бледное лицо и трясущиеся губы. Но вначале, прежде чем валяться в ногах у Алёны, Борьке необходимо было разобраться с этой гнидой, которую он считал другом.

Колька и Борька, не сговариваясь, стали сходить к Юрке с разных сторон. Он начал отступать, но очень скоро оказался припертым к стене.

- Вы ничего не докажете. - Его шепот напоминал шипение змеи.

- А мы и не станем этим заниматься. - Борька засучивал рукава, так, для остротки. Колька последовал его примеру. - Отвечай, зачем бабки понадобились?

Юрка сломался сразу:

- Влип по-крупному. Втянул меня в дурную компанию мой новый приятель. - Метелкин нервно постукивал зубами. - Те сначала травку предложили, потом в картишки перекинуться. В общем, я за неделю столько просадил, что дома меня на сухой паек посадили. А меня засосало это болото, понимаешь, Борь, в долг стал играть. Это ведь как зараза, как наркотик, раз попробовал, и хочется еще, и с каждым разом больше и больше. - Юрка тяжело сглотнул. - А тут на меня конкретно наехали. На счетчик поставили, сказали: «Бабки ищи. Они тебе в любом случае понадобятся - или нам отдашь в срок, или на лекарства сгодятся». Вот тебе вся правда. - Он опустил глаза и тихо добавил: - Если хочешь знать, я и сам себя подлецом чувствую.

- Сейчас от жалости разрыдаюсь, - сказал Борька с сарказмом. - Прямо шекспировский Макбет: «Я так увяз в кровавой тине, что легче мне вперед шагать, чем по трясине возвращаться вспять!»

Спустя полчаса вопрос был решен. Юрка должен был пойти домой и все рассказать родителям. Для верности с ним отправился Колька. Там папа с мамой башковитые - они придумают, как красиво разругать ситуацию. У Юрки выбора не было. Запутался парень, и Борька, как ни странно, чувствовал свою вину перед ним. Но это чувство вины не шло ни в какое сравнение с тем, которое он испытывал, когда думал об Алёне.

Почему-то он был уверен, что сможет быстро помириться с ней, разобравшись со всеми недоразумениями и обидами. Наверное, считал, что все хорошее, что было между ними, легко

перевесит его секундную слабость. Он ошибся. Алена избегала его, и так умело, что вот уже четыре дня, включая выходные, он не может остаться с ней наедине.

В школу она не приходила. В больнице, когда он дождался ее у входа, сказала: «Уходи». И он ушел, рядом была надувшаяся Катя. Она все равно бы не дала поговорить. Да и вид у Лены был непреклонный. Он знал, когда она так смотрит, так говорит, бесполезно даже пытаться что-то сделать. К телефону подходила все та же Катерина и отвечала, что Лена с ним говорить не хочет. И от себя добавляла тихо, в трубку: «Она на тебя обиделась за что-то и плачет, когда рисует твоими карандашами». Дверь в ее квартиру была для него крепко заперта. Борька весь извелся. У него начало крышу сносить от вынужденного бездействия. И тут у него появилась, как ему тогда казалось, здравая мысль. Он взял записную книжку и пошел к телефону.

18

- Вот такая вот кошмарная ситуация. Теперь ты все знаешь, - вздохнув, произнес Борька спустя два часа, сидя в кафе на углу. Он помолчал, нервно втянув в легкие изрядную порцию никотина, а потом с безжалостной прямоотой признался: - И получается, что я обманул доверие Алены. Она теперь считает, что я усомнился в ее честности, раз произнес те слова. - Глаза его спутницы смотрели на него с потаенной грустью. - А я просто растерялся, веришь? Меня что с толку сбило, откуда у нее эти проклятые деньги появились...

- Ну а я-то чем тебе могу помочь? - нарушила молчание Наташка.

Боря позвонил ей и попросил о встрече. Сказал: «Это очень важно для нас с Леной». Наташка все бросила и прибежала. Пусть Лена с ней не разговаривает, она все равно считает себя ее подругой.

- Вы же подруги, - подтвердил Боря. - Ты же можешь поговорить с ней, объяснить. - Он нервно закусил губу, заметив, как Наталья нахмурилась. - Ну хотя бы упрости ее меня выслушать!

- И рада бы в рай, да грехи не пускают, - криво усмехнулась Наталья, позвякивая ложечкой о чашку. Кофе давно остыл, да и не до него ей сейчас. Она взглянула на Борьку: - Мы с ней тоже в ссоре. Знаешь, откуда у Лены эти «проклятые деньги»? Мать моя дала.

- Да ну? - Борька подался вперед. - А почему же она мне не сказала, если все так просто? К чему эти секреты?

- Потому что я совершила подлость, - решительно призналась Наташка. - А в том, что тебя предала лучшая подруга, трудно признаться даже самому близкому человеку.

Настал черед исповедоваться Наташке.

- Вот теперь ты тоже все знаешь.

- Выходит дело, зря я на тебя надеялся? - растерянно произнес Борька, загасив окуроч, выкуренный до самого фильтра.

- Выходит, что так, - вынуждена была согласиться Наталья и, дотронувшись до Борькиной руки, чтобы привлечь его внимание, спросила: - Слушай, а что этому Юрке будет?

- Не знаю точно. Скорее всего, обойдется. - Борька пожал плечами. - Вчера его мать приходила документы забирать. Его в другую школу переводят. Срочно. - Борькины губы

изогнулись в ироничной улыбке. – А с «француженкой» они, кажется, полюбовно договорились. Компенсацию за моральный и материальный ущерб выплатили. Сейчас это в порядке вещей.

– И что ты теперь будешь делать?

– Что-нибудь придумаю. Может, буду дежурить у ее дома, пока она меня не простит. Ты извини меня, Наташ, я пойду. – Борька полез за деньгами, расплатился.

Он шел между столиками, не замечая заинтересованные взгляды девчонок, а Наталья смотрела ему вслед и думала: «Какая же Ленка счастливая. Ее такой парень любит! И кто же ей мозги промочит, если не я, лучшая подруга?»

Наталья встрепенулась. А что она, собственно, теряет? Ну, спустит ее Ленка с лестницы, и будет права, конечно, так она все равно успеет крикнуть ей, чтобы та дурью не маялась и Борьку своего простила!

Через полчаса она с силой нажимала на кнопку звонка.

– Можно войти? – Этот вопрос Наталья никогда не задавала, стоя на пороге квартиры Серовых, но все когда-нибудь случается в первый раз.

Лена подумала и отступила:

– Входи.

А спустя еще час подруги уже снова были подругами. Молодость тем и хороша, что легко прощает обиды! Ну, может, и не так легко забывает, но прощает легко – это аксиома.

– Наташ, ты деньги маме отдай. Вот. – Лена протянула пять сто долларовых бумажек. – Не понадобились. Ба завтра выписывают.

– Обошлось? – выдохнула Наташка и подумала, что ей еще долго будет стыдно за то, как она поступила, может быть, всю оставшуюся жизнь. Это был жестокий урок. Кажется, в Писании или еще в какой-то умной книге сказано: «Спешите делать добро». Правильные слова, не стоит о них забывать.

– Ага, – сказала Лена, не подозревая, какие муки совести изводят Наташку. – Сегодня УЗИ делали и гастроскопию, все зажило. Врач сказала, что это просто чудо!

– А Борька твой? – осторожно спросила Наталья, которая битый час красноречиво описывала муки влюбленного, находившегося в самой крайней степени отчаяния.

Лена подняла голову и улыбнулась:

– Я ему позвоню. Знаешь, это хорошо, что ты пришла. Дружба, как и любовь, проверяется испытаниями. Раз ты пошла к нему на эту встречу, значит, волновалась за меня. За нас. Но я бы все равно ему позвонила. Не могу я на него долго обижаться. Не получается. Я же его люблю.

– И он тебя.

– Да, я знаю.

Лена брела по слабо освещенной улочке, и на ее губах блуждала слабая улыбка. Она не смогла дозвониться Боре ни на мобильник, ни домой, и решила выйти прогуляться, подышать свежим воздухом, подумать. Она давно просто так не гуляла. Все куда-то спешила, то в школу, то на уборку, то к ба в больницу. Конечно, в памяти всплыл и тот разговор в кабинете химии, который она невольно подслушала. Так получилось. Химичка пошла позвонить, а ее попросила помочь колбы помыть. Вот Лена в подсобке и оказалась. Сначала, конечно, выйти хотела, а после уже не до этого было.

И ее совсем не расстроило (ну разве что чуть-чуть), когда Боря признался парням, что она не ко двору его маме пришлось. Это не стало для нее открытием века. Она даже почувствовала гордость, едва Боря произнес, что его отношения с ней никого не касаются, кроме них самих. Вот только радость ее была недолгой. Потом наступил кошмар. Сначала она ушам своим не поверила. Юрка Метелкин обвинял ее в воровстве! И вдруг Борин крик: «Заткнись! Ничего не было, ты ничего не видел, ничего не слышал!..» В этот момент все ее чувства умерли, не осталось ничего, кроме оглушающей боли в сердце, ожесточения в душе и мысли: «Как он мог в это поверить?» Ну а потом случилось то, что и должно было случиться. Почти в бессознательном состоянии, ослепленная яростью, Лена, кажется, выкрикнула: «Все кончено!»

Первые дни она так и думала. «Кончено, кончено, кончено», – повторяла она на все лады, заливаясь слезами. Но как Лена ни пыталась разжечь в себе обиду на Борю, у нее ничего не получалось. А когда гнев ее окончательно улегся, она вдруг разглядела совсем иные стороны в его поступке. Он вовсе не хотел ее оскорбить, он хотел ее защитить всеми доступными и недоступными способами. И разве она не поступила бы так же, доведись ей оказаться на его месте?

Она вспоминала его встревоженное лицо в тот день, когда увидела его у ба в больнице. Ту ночь, которую они провели вместе. Тогда он тоже ее защищал, защищал от ее страхов, одиночества, неизвестности. Тогда их сердца бились вместе. И Лена чувствовала, что они и сейчас вместе, несмотря ни на что.

А ведь через несколько дней Восьмое марта, внезапно подумала она, подняла глаза от земли и увидела Борю. Он стоял невдалеке от ее подъезда, прислонившись к березе, и смотрел прямо на нее. Господи, как же она его любит!

Она сделала к нему шаг.

Он тоже.

Она снова шагнула к нему, а потом они бросились друг другу навстречу, и он сжал ее лицо в своих руках и стал покрывать его поцелуями. Губы его были горячими и нежными.

– Я тебя так люблю! – шептал он.

– И я тебя, – шептала она в ответ, чувствуя, как внутри нее рождается странное ощущение – предвкушение чего-то необычного и светлого. Больше не будет тайн... Никаких...

– Боря, я должна тебе рассказать о маме, о своей маме. – Лена подняла глаза, но он приложил палец к ее губам:

– Тшш! Ничего не нужно говорить. Помни одно: для меня важна ты, только ты, и ничто никогда не сможет этого изменить...

А на следующий день Боря и Лена поехали забирать ба домой. Они шутили, переговаривались и все не могли наглядеться друг на друга – так истосковались их сердца за несколько дней разлуки. Руки их постоянно искали встречи, губы то и дело сталкивались в коротком, украдкой подаренном поцелуе. Разумеется, влюбленные ни на кого не обращали внимания. Но поскольку мир тесен, встреч со знакомыми в нем невозможно избежать.

- Борь, смотри, Туполева с Голубевой! – Лена кивнула на двух одноклассниц, как и они, не замечавших никого вокруг.

До них долетели обрывки чужого разговора.

- Юля, ты не права, – категоричным тоном заявила Марина. – Ежов не может так с тобой поступить.

- Марина, он меня разлюбил, – грустно вздохнула Юля.

- Да почему ты так решила?

- Как почему? – Юля резко обернулась. – Неужели ты этого не видишь?

Лена и Боря переглянулись, невольно почувствовав себя злоумышленниками, подслушавшими чужой разговор.

- Здесь что-то не так, – задумчиво сказал Шустов. – Для Кольки его ненаглядная Юлечка всегда была самая-самая... Откуда взялась другая? И кто она, собственно, такая? Как ты думаешь, Алена?

Лена только плечами пожала. Что тут скажешь?

Это ведь уже совсем другая история.